

3/283/2a

**КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА**

**ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»**

**ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА
В. И. ЗАСУЛИЧ и Л. Г. ДЕЙЧА**

СБОРНИК № 2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

ГРУППА

«ОСВОБОЖДЕНИЕ
ТРУДА»

(ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Л. Г. ДЕЙЧА

СБОРНИК № 2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА □ □ 1924

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Философская эволюция Маркса, посмертная рукопись с предисловием Л. Аксельрод (Ортодокс)	5
<i>В. И. Засулич.</i> —Нечаевское дело, посмертная рукопись с прим. А. И. Успенской и Л. Г. Дейча	22
<i>Л. Г. Дейч.</i> —Был ли Нечаев гениален?	73
<i>П. Б. Аксельрод.</i> —О задачах научно-социалистической литературы («письмо к товарищам»)	87
<i>О. Нельский.</i> —Движение русской общественной мысли от идеализма к марксизму (Белинский—Чернышевский—Плеханов)	103

<i>Л. Г. Дейч.</i> —Из Карийских тетрадей: I. Жизнь Плеханова в Бэжи над Клараном; II. Переговоры с «придворными сферами»	119
<i>М. Рыжанская.</i> —Первый реферат Плеханова в Цюрихе	145
<i>М. Вископф.</i> —Члены группы «Освобождение Труда»	149
<i>Ц. С. Гуревич-Мартыновская.</i> —Знакомство с Г. В. Плехановым и В. И. Засулич	160
<i>Н. Кулябко-Корецкий.</i> —Эмигранты и наивный миротворец (из встреч с членами группы «Осв. Тр.»)	168
<i>Л. Г. Дейч.</i> —Аарон Зунделевич (один из первых социал-демократов в России)	185

ПИСЬМА:

<i>Л. Дейч и В. Засулич.</i> —Плехановым	217
<i>В. И. Засулич.</i> —К. Марксу	220
<i>К. Маркс.</i> —В. Засулич	222
<i>Я. В. Стефанович.</i> —Г. В. Плеханову	225
<i>Л. Г. Дейч.</i> —В. И. Засулич и остальным членам группы «Освоб. Труда» (из тюрем, каторги и ссылки)	227
<i>Г. В. Плеханов и Ф. Энгельс.</i> Переписка, с предисл. Л. Дейча.	306

	<i>Стр.</i>
<i>Е. Н. Ковальская.</i> —По поводу книги О. В. Аптекмана «Об-во «Земля и Воля» 70-х гг.»	339
<i>Л. Дейч.</i> —Так пишется история.	346
<i>Мих. Бабин.</i> —Письмо в редакцию	356
<i>Л. Дейч.</i> —Получение важных документов	359
<i>Э. З.</i> —Памяти В. И. Александровой-Натансон	361
<i>От редакции.</i>	366
<i>Ошибки, замеченные в Сборн. № 1</i>	367
<i>Алфавитный указатель имен</i>	368
СОДЕРЖАНИЕ	
В тексте фотографии: С. Г. Нечаев во время процесса.	29
В. И. Засулич до нечаевского процесса.	33
В. И. Засулич в ссылке по нечаевскому делу.	37
П. Г. Успенский во время нечаевского дела.	41
Факсимиле письма К. Маркса В. Засулич.	224

Из фондов Российской национальной библиотеки

ИЗ КАРИЙСКИХ ТЕТРАДЕЙ

По приходе в середине декабря 1885 г. в политическую каторжную тюрьму на Каре, я в течение нескольких дней рассказывал товарищам, — но особенно подробно другу моему Я. Стефановичу, — о всем пережитом, виденном и слышанном мною в течение протекших тогда со времени нашей с ним разлуки, в конце лета 1881 г.; четырех с половиной лет. Эти мои сообщения показали ему очень интересными; он поэтому стал просить меня написать их, под видом переводов с какого-нибудь иностранного языка, что нам разрешалось делать. Уступая его настоятельным просьбам, я, года два спустя, принялся за писание, и по прошествии еще двух лет у нас оказалось девять исписанных карандашом тетрадей, в шесть листов каждая, пронумерованных, прошнурованных, скрепленных казенными печатями и подписанных комендантом, жандармским полковником Масюковым.

По выходе весной 1890 г. на поселение, Стефанович взял эти тетради с собой. Когда же впоследствии я, также очутившись на воле, встретился с ним, то получил их от него обратно. Вместе с другими моими (а также В. И. Засулич) рукописями и письмами эти тетради долго затем хранились за границей. Теперь все они находятся у меня. Написанное 36 — 37 лет тому назад карандашом, благодаря принятым Стефановичем мерам, сохранилось, за немногими исключениями, удобочитаемо.

Ввиду того, что все занесенное в эти тетради было мною написано под свежим впечатлением незадолго перед тем произошедших событий и обстоятельств, они приобретают особенную ценность, что особенно важно в виду следующего:

В последнее время до меня стали доходить слухи, что тот или другой из моих недоброжелателей заявляет, будто в моих записках случаются не только случайные ошибки, что вполне допускаю, но и сознательные, тенденциозные

извращения прошлого. Распространением таких слухов занимаются лица, повидимому, чем-либо мною задетые. К сожалению, как передают, в их числе находятся и некоторые из бывших моих товарищей по каторге и ссылке.

Благодаря «Карийским тетрадам», написанным в тюрьме почти сорок лет тому назад и только для двух-трех самых близких мне лиц, в чем легко может убедиться каждый желающий, — все беспристрастные люди, я уверен, признают, что распускаемые слухи о характере моих записок являются заведомой инсинуацией, вызванной злобой и мстительностью.

В печатаемом здесь отрывке из этих тетрадей я воспроизвожу два отдельных эпизода, связанных между собой только хронологически.

В прямые скобки взято все, что прибавлено для ясности и вообще улучшения изложения или слога.

По мере возможности буду также и впредь делать извлечения из этого источника.

I. ЖИЗНЬ Г. В. ПЛЕХАНОВА В БОЖИ НАД КЛАРАНОМ

По возвращении из Парижа в Швейцарию, осенью 1881 г., Георгий Валентинович поселился в небольшой деревушке Божки, где уже с весны того же года жили Розалия Марковна с новорожденной и ее подруга Теофилия Поляк. Там, так сказать, оттачивалось его марксистское мировоззрение. Как всегда, Георгий Валентинович вел очень трудовой образ жизни, не отличавшийся разнообразием: он тогда [усиленно, по его выражению, «готовился к диссертации», т.-е.] штудировал сочинения Родбертуса, а также и многих других авторов, ввиду полученного им от Михайловского предложения написать исчерпывающую статью об этом экономисте для «Отечественных Записок»¹⁾. Но Г. В. всегда охотно отрывался от этих занятий для бесед с близкими и с изредка приходившими к нему местными или приезжавшими из других городов знакомыми.

Материальные условия его жизни в то время были в значительно лучшем состоянии, чем в предшествовавшем году, когда, живя в Париже, он чрезвычайно нуждался. Кроме гонорара за статьи, печатавшиеся в «Отеч. Зап.», он

¹⁾ В другом месте — в предисловии к изданной «Буревестником» (в Краснодаре) брошюре, «Эконом. теория Родбертуса» — я подробно сообщаю о том, как Г. В. занимался подготовкой этих статей.

имел хороший урок в Кларане, в одном русском семействе. Розалия Марковна также получала от своих родных небольшие суммы. К тому же приехавшая из России сестра его Александра привезла сколько-то рублей ¹⁾).

Приезде этой сестры, которую Плеханов не видел в течение 6—7 лет, он очень обрадовался: он подробно расспрашивал ее о родных и знакомых и, сам при этом вспоминая прошлое, о многом сообщал нам. Но, когда эти темы были исчерпаны, оказалось, что, в сущности, у него было мало общего с сестрой.

Александра Валентиновна, или короче «Саша», как мы ее называли, была очень неглупой и способной, но мало развитой институткой. Воспитанная в закрытом учебном заведении, которое она незадолго перед тем окончила блестяще, с «шифром», Саша ничего не видала на своем веку, мало, если не сказать вовсе нет, интересовалась тем, что Г. В. и нас всех занимало и, конечно, совсем не была знакома с жизнью. Слабенькая, тщедушная, она к тому же являлась искалеченной неврастеничкой. [Забегая много вперед, сообщу здесь, что после некоторых перипетий она в молодых годах покончила самоубийством.]

Спустя короткое время Г. В. и мы, близкие, стали замечать, что Саша тяготеет жизнью в его семье и что ей больше пришлось по душе общество тогда же приехавшей из России юной четы Русановых, с которой она вскоре близко сошлась, а когда, с наступлением жаркого времени, Русановы отправились куда-то в горы, то Саша поехала вместе с ними.

Несколько нарушало тихое, спокойное течение жизни Плехановых тяжелое состояние здоровья неоднократно упоминаемой в его переписке с Лавровым подруги Розалии Марковны — Теофилии Поляк: она находилась в последних градусах чахотки, а потому была невероятно мнительна и раздражительна.

¹⁾ Между прочим, она предложила Г. В. от своего имени и двух младших сестер — Варвары и Клавдии — часть доставшегося им незначительного наследства, полученного, кажется, от продажи после незадолго перед тем умершей матери их небольшого дома в Липецке, но Г. В. долго отказывался взять у сестер предложенную ими ему долю.

Очень умная, обладавшая большими способностями, Теофилия, по окончании гимназии с золотой медалью, отправилась в Петербург на медицинские курсы. Там встретила она с Розалией Марковной Боград, к которой привязалась наиболее глубокими дружескими чувствами. Как самая любящая старшая сестра, старалась она освобождать свою подругу от разных житейских забот, оберегала ее спокойствие, но, увы, не могла, конечно, уберечь свою подругу от явившейся у нее глубокой привязанности и расположения к Плеханову. Когда же Розалии Марковне пришлось также эмигрировать, Теофилия последовала за нею. Приехала она за границу уже тяжело больной туберкулезом, и чем более прогрессировала ее болезнь, тем она становилась все требовательнее к своему единственному другу, которому она охотно отдавала все, что у нее было. Ей, чувствующей приближение смерти, хотелось, чтобы любимая подруга находилась безотлучно возле нее и только с нею беседовала. Но Розалия Марковна, при всей привязанности, которую она питала к Теофилии, не могла, конечно, удовлетворить чрезмерные желания больной; отсюда возникали конфликты, капризы и сцены, нарушавшие семейный покой Плехановых.

Деликатный и отзывчивый Г. В., вполне понимая состояние больной, старался ничем не раздражать ее, почему даже избегал заходить в ее комнату. Это, однако, не мешало Теофилии находить незначительные поводы, чтобы расстраиваться. Однажды, в знойный июньский полдень, Г. В., сильно встревоженный, пришел ко мне, — я жил в Фонтаниване над Божи, в полудне ходьбы, — и чрезвычайно взволнованным голосом сообщил, что Теофилия рассердилась на них по какому-то пустяку, поэтому, захватив небольшой узелок, она ушла в Кларан, чтобы оттуда уехать в Женеву. Никакие просьбы Розалии Марковны не могли остановить ее; между тем, ввиду крайне тяжелого состояния ее болезни, этот ее уход чрезвычайно встревожил Розалию Марковну. Г. В. попросил меня немедленно отправиться в Кларан, чтобы, догнав Теофилию, постараться вернуть ее обратно; если же это не удастся, то поехать в Женеву и возможно лучше устроить там больную.

Зная состояние здоровья Теофилии, задыхавшейся при каждом шаге, а потому с большим трудом передвигавшейся

даже по комнате, я вполне понимал охватившую Плехановых тревогу: больная могла упасть где-нибудь на длинной для нее дороге до пристани и более уже не подняться. То был один из немногих случаев в течение всего моего продолжительного знакомства с Г. В., когда я видел его чрезвычайно встревоженным, крайне возбужденным: он торопил меня скорее спуститься вниз, в Кларан, так как он и Розалия Марковна надеялись, что Теофилия меня может послушаться.

Я знал Теофилию с отроческих лет: она была подружкой одной из моих сестер, учившейся вместе с нею в Киевской женской гимназии; одно время она жила у нас, и у меня с нею установились добрые товарищеские отношения.

Мне удалось ее нагнать еще не доходя до Кларана, где расположена пристань, так как она буквально еле передвигала ноги и принуждена была останавливаться на каждом шагу. Сделав вид, что я ничего не знаю об ее уходе от друзей и случайно встретил ее, я выразил крайнее удивление, каким образом она очутилась так далеко от дома. Тогда она заявила о своем решении отправиться в Женеву, так как ей, мол, тяжело оставаться у Плехановых, которым она в тягость и отравляет жизнь. Выслушав это, я сказал, что как старший ее приятель не могу пустить ее одну и поеду вместе с нею, чтобы помочь ей там лучше устроиться. Она, конечно, начала меня отговаривать от этого, но я стоял на своем. А пока, в ожидании времени отхода парохода, завел беседу как будто о совершенно посторонних предметах, но, как я знал, сильно интересовавших ее: о несправедливости судьбы, дающей очень много всего одним, напр., Сергею Кравчинскому, которого мы считали «баловнем судьбы», и, наоборот, очень мало — другим. Отсюда мы перешли к вопросу об одиночестве, затем о дружбе и случающихся при этом переплетениях, когда к двум близким присоединяется третье лицо, связанное глубокой симпатией лишь с одним из этих друзей. Далее мы разобрали, какие в этом случае происходят тяжелые и сложные положения, как иногда страдают все три лица, в особенности то, которое считает себя лишним, обузой, стесняющей двух других. И, тем не менее, удаление кого-либо из троих не является выходом, так как остальные не

могут ведь не страдать при этом; словом, все отлично понимают, где корень раздражений, тем не менее, не в силах его устранить, и хорошие, высоко развитые, любящие и уважающие друг друга люди при таких обстоятельствах не в силах выйти из них: они невольно портят свои отношения и представляются один другому хуже, чем каковы они в действительности.

Мы не называли ничьих имен [кроме Кравчинского], но каждый из нас имел, конечно, в виду ее, Розалию Марковну, и Георгия Валентиновича. Эта беседа, видимо, пришлась по душе бедной больной: она многое ей раз'яснила, что и ей самой уже не раз приходило на ум, но не так формулировалось; к тому же этой, в сущности, совершенно одинокой молодой девушке, очевидно, доставило большое наслаждение, что старый приятель вполне ее понимает, нисколько не осуждает ее за раздражительность и, очевидно, признает ее лучшей, чем она сама себе казалась. Наблюдательная, образованная, чуткая Теофилия ясно видела, что во мне говорит искреннее чувство и что высказанные мною взгляды верны, справедливы.

Беседа наша, сопровождавшаяся неизбежными в таких случаях отступлениями, отгадываниями и подсказываниями мыслей друг друга, длилась очень долго. Давно спустилось солнце, но мы ни словом не касались более предстоявшей нам поездки в Женеву: Теофилия понимала, что последняя не будет выходом из создавшегося без чьей-либо вины тяжелого положения, что, наоборот, ее от'езд внес бы целый ряд новых осложнений и неприятностей еще для большего числа лиц. Поэтому, когда я сказал, что пойду позвать фиакр, чтобы он отвез ее обратно, она не протестовала.

В это время подошла наша знакомая, Вера Хотинская, жена землевольца Александра, которую Теофилия очень любила. Предложив ей сопровождать больную в Божи, на что Вера охотно согласилась, я сам отправился туда же пешком, так как иначе лошади было бы тяжело везти четверых в гору, к тому же наступили чудные сумерки, и мне хотелось после долгого сиденья на одном месте пройтись.

Между тем на квартире Плехановых произошел такой курьез. Видя, что уже вечер, а мы с Теофилией не возвра-

щаемся, Розалия Марковна, Георгий Валентинович и пришедшая к ним Вера Ивановна Засулич решили, что я поехал вместе с больной в Женеву или, не найдя ее на пристани, отправился вслед за нею. Поэтому, когда Г. В-чу и Вере Ивановне понадобилась какая-то книга, находившаяся в комнате Теофилии, они вошли в нее, пугая в шутку друг друга: «ой страшно, — так и кажется, что она сидит в углу дивана!». Говоря это в темноте, Г. В. чиркнул спичкой и, о ужас: Теофилия, худая, бледная, с большими на выкате глазами, сидела на обычном своем месте в комнате, имевшей прямой ход с лестницы, почему она и зашла никем не замеченная.

Неожиданность ее присутствия, в связи с произнесенными вошедшими Г. В. и Верой Ивановной фразами на ее счет, вызвала у них такой ужас, что они оба стремглав выбежали из ее комнаты. В этот-то момент я вошел к ним, но, конечно, не понимал, в чем дело. Когда же затем Г. В. и Вера Ивановна, придя в себя, высказывали опасение, что их шутки по адресу Теофилии и их бегство от нее в паническом страхе могут явиться поводом к новому ее раздражению и сборам в Женеву, я зашел к ней, но оказалось, что предположения моих друзей не оправдались: под влиянием прогулки и нашей беседы Теофилия была в прекрасном настроении и сама добродушно смеялась по поводу шуточного разговора Г. В. с Верой Ивановной, их испуга и бегства.

Все были очень довольны, что мне удалось выполнить тяжелую миссию. Особенно радовалась Розалия Марковна. Таким образом состоялось примирение; Теофилия больше не делала попыток переселиться в Женеву, и в семье Плеханова установились покой и тишина.

Сообщу уже здесь о дальнейшей судьбе Теофилии, для чего мне придется забежать несколько вперед.

* * *

Розалия Марковна, перед тем как вынуждена была эмигрировать, находилась уже на последнем семестре Женских Медицинских курсов в Петербурге. Отправляясь за границу, она намеревалась там закончить свои занятия, чтобы получить диплом. Но вследствие материальных и семейных при-

чин ей в первые два года не удалось осуществить это намерение. Только летом описываемого мною 1882 года она решила с этой целью переехать в Берн.

Георгий Валентинович поехал туда один в начале августа, чтобы предварительно нанять подходящую квартиру, так как, ввиду болезни Теофилии, необходимо было, чтобы она помещалась в здоровой местности и была недалеко от университета. Несколько дней спустя, отправились и мы туда, а так как у Розалии Марковны, кроме больной подруги, была на руках годовалая ее девочка Лида, то для облегчения дорожных хлопот я также поехал с ними. По приезде в Берн мы узнали от встретившего нас на вокзале Георг. Валент., что он лишь наметил несколько квартир, а потому на некоторое время придется поселиться в гостинице. Однако и это не легко было осуществить; пришлось на извозчике довольно долго странствовать по городу, пока удалось найти подходящие номера, к тому же не в каждой гостинице соглашались принять их с тяжело больной.

В связи с довольно утомительным переездом из Божии, это продолжительное кочевание по Берну до крайности утомило бедную Теофилию: у нее поэтому вновь явилось раздражение и недовольство на Георгия Валентиновича.

Уезжая через два дня оттуда в Цюрих, я все же оставил П्लехановых в гостинице. Всякому, даже не специалисту, было очевидно, что дни Теофилии сочтены. Однако, при прощании с нею, я, как водится в таких случаях, выразил уверенность, что на обратном пути найду ее поправившейся, в ответ на что она, отрицательно покачав головой, глухим голосом прошептала, что едва ли я больше увижу ее.

В Цюрихе я намеревался пробыть недели две, но уже через несколько дней мне пришлось внезапно оттуда уехать, веледствие полученной из Женевы телеграммы от приехавшего туда из Парижа Тихомирова, просившего меня немедленно приехать ввиду важных обстоятельств.

Не имея возможности веледствие этой спешки остановиться в Берне, я с пути пригласил телеграммой мою приятельницу Анну Макаревич-Кулешову притти на вокзал, где поезд должен был стоять полчаса. Вместе с нею пришел туда Георгий Валентинович, имевший крайне грустный, расстроенный вид: оказалось, что Теофилия скончалась на

кануне, и в этот именно день должны были состояться ее похороны. Он, поэтому, просил меня остаться в Берне до утра. После некоторых колебаний, обусловливавшихся неизвестностью того важного дела, по которому столь настоятельно вызывал меня Тихомиров, я согласился ¹⁾).

Похороны бедной Теофилии были такие же скромные и грустные, как и вся короткая жизнь ее. За ее гробом, кроме Георгия Валентиновича, Анны Кулешовой и меня, шло лишь несколько местных студенток, на кладбище никто не произнес ни слова, не пролита была там ни единая слеза.

Все мы трое, близко знавшие ее, хотя и имели несколько расстроенный вид, все же признавали, что эта преждевременная смерть — лучший для бедной Теофилии исход.

Только Розалия Марковна была крайне расстроена этой смертью, почему она и не присутствовала на похоронах. Относительно последних дней жизни Теофилии Георгий Валентинович и Розалия Марковна потом сообщили мне, что она была вполне спокойна, хотя и сознавала, что приближается конец, и посмеялась, когда врач утешал ее, что она проживет еще некоторое время: перед смертью она помирилась с Георгием Валентиновичем и, вообще, была очень добра, приветлива, заботлива; она умоляла Розалию Марковну беречь свою девочку Лиду, передавала всем близким всякие пожелания, а мне, — что она очень благодарна за хорошее к ней отношение.

Так окончила короткую и вместе многострадальную жизнь несчастная Теофилия Поляк 28 — 29 лет.

Теперь возвратимся к нашему совместному с Плехановыми пребыванию над Клараном до описанного только что его с семьей переезда в Берн.

* * *

Кроме внесенного больной Теофилией некоторого диссонанса, вскоре, как мы видели, улегшегося, ничто другое более уже не нарушало мирной и вместе плодотворной жизни Георгия Валентиновича в указанный период его пребывания в Божии. Насколько могу теперь припомнить, весна и лето 1882 г. являлись одним из лучших для него момен-

¹⁾ В чем состояло это спешное дело, я подробно излагаю во втором очерке.

тов за все время продолжительного его пребывания в эмиграции. Наследственная болезнь легких тогда еще ничем не проявлялась: он был полон сил, энергии, бодрости; сознавал, что делал блестящие успехи в умственных занятиях и на литературном поприще, видел, что его чрезвычайно ценят не только близкие, друзья и приятели, но и «властители дум» тогдашней передовой молодежи — Лавров, Михайловский. За вычетом описанного встревоженного состояния по поводу ухода Теофилии, он всегда был в веселом, жизнерадостном настроении, сыпал остротами, шутками, рассказывал разные эпизоды и, конечно, уморительные анекдоты. Это да прогулки к нам — ко мне с Верой Ивановной [в Фонтанивань] — и в Кларан на урок были, в сущности, единственными его развлечениями после многочисленных и разнообразных его умственных занятий. Скажу здесь несколько слов и об этом уроке.

Кажется, Георгий Валентинович занимался с десяти-или двенадцати-летней девочкой какого-то довольно состоятельного русского помещика. В течение некоторого времени он не был знаком с отцом своей ученицы. Но, однажды, последний попросил у него разрешения, по окончании урока, проводить его. Очутившись затем на улице, помещик сообщил ему, что из прочитанного им в местной французской газете заявления, подписанного Плехановым, он видит, что тот — политический эмигрант, чего раньше он не подозревал ¹⁾.

Ввиду бывших тогда аналогичных случаев, Георгий Валентинович подумал, что за этим сообщением последует отказ от этого очень выгодного для него урока. Но оказалось, что помещик принадлежал к нашим либеральным и по тому времени, — это было вкоре после 1 марта, — довольно смелым россиянам: он заявил Плеханову, что политические его взгляды не могут иметь никакого отношения к занятиям с его дочкой, при чем прибавил, что очень доволен его преподаванием.

Последовавшей затем продолжительной беседой этот господин остался, видимо, очень доволен, так как с тех пор каждый раз, по окончании урока, сопровождал Георгия

¹⁾ Какого рода это было заявление, я не помню.

Валентиновича до самой его квартиры в Божих, на что требовалось около часа, а по прошествии некоторого времени сам же предложил Плеханову прибавку к гонорару, находя, что указанный последним размер его чрезвычайно мал.

— Это вам плата за пропаганду марксизма русскому барину, — помню, острили мы с Верой Ивановной.

— В современном капиталистическом обществе, — отшучивался он, — всякий труд должен оплачиваться.

Само собой разумеется, что не за беседы этот либерал считал нужным увеличить размер получаемого Георгием Валентиновичем гонорара, — он действительно был очень доволен Плехановым как учителем, что было вполне естественно: принимая во внимание обширную и разностороннюю эрудицию Георгия Валентиновича, выдержанный его характер, присущую ему во всем систематичность и аккуратность, а также его любовь к детям, он, естественно, должен был являться и выдающимся педагогом. Вообще, в преобладающем большинстве случаев, Плеханов безукоризненно, можно даже сказать — в совершенстве, исполнял все, за что брался: на половину, как-нибудь, он решительно ничего не делал и энергично восстаивал, когда другие так поступали.

Кроме указанных здесь черт, — впрочем, давно известных всем, знавшим Георгия Валентиновича, — он обладал изумительной способностью своими беседами привлекать к себе людей самых разнообразных слоев общества, всяких национальностей, возрастов и пр. В этом отношении, наряду с огромными и разнообразными его дарованиями, несомненно оказывал большое влияние также и имевшийся у Плеханова большой интерес ко всякому без различия человеку.

* * *

Изолированный образ жизни, который Георгий Валентинович вел в Божих, обуславливался как обилием у него занятий, так, в особенности, следующими обстоятельствами.

Число проживавших в Кларане и в его окрестностях знакомых вовсе не было незначительно; нельзя также сказать, чтобы между ними не имелось заметных, интересных лиц. Достаточно назвать живших в Кларане известных коммунаров Лефрансэ и знаменитого географа и анархиста Элизэ

Реклю, а также наших соотечественников, — выдающегося публициста и ученого Льва Мечникова и небезызвестного в те времена «отщепенца», бывшего полковника Н. Соколова. Будучи знаком с этими лицами, Георгий Валентинович, однако, лишь случайно встречался с ними где-нибудь на нейтральной почве и едва ли заходил к двум последним больше раза-двух по делу, за какой-нибудь книгой или справкой. [У Реклю же, насколько могу припомнить, он ни разу не был, хотя тот иногда забегал, чтобы отдать полученное на его адрес письмо для нас.]

Эта отчужденность Георгия Валентиновича от внешнего мира объяснялась отчасти условиями жизни как его самого, так и названных выдающихся лиц: и он и они были люди чрезвычайно занятые, не любившие проводить время в бесконечных беседах ни на своих квартирах, ни, тем более, по кафе, что было в обычае эмигрантов всех наций, а наших, как известно, в особенности.

Единственным исключением из перечисленных выше лиц являлся полковник Н. В. Соколов: за вычетом нескольких часов, которые он посвящал литературным работам, — тогда, главным образом, составлению францужезко-русского словаря, — он всю остальную часть дня проводил за кружками пива и другими напитками с любым подворачивавшимся ему собеседником. Подобно многим крупным русским людям, этот соратник Писарева и Зайцева по знаменитому в 60-х г.г. «Русскому Слову» губил свой талант и знания вследствие чрезмерного пристрастия к крепким напиткам. Недурной рассказчик, не лишенный остроумия, Соколов бывал интересен только до определенного градуса его состояния. В эти моменты Георгий Валентинович, питавший к нему смешанный с большим сожалением некоторый интерес, временами любил послушать рассказы старого «отщепенца» о его встречах с Писаревым, Михайловским и другими известными писателями 60-х г.г. Но более частые с ним встречи, ввиду указанной его слабости, не соответствовали характеру и привычкам Георгия Валентиновича.

По другим причинам не вызывали у Плеханова особенного к себе интереса также Э. Реклю, Л. Мечников и другие жившие поблизости известные лица. Как я уже многократно сообщал, то был период чрезвычайного, безгранич-

ного его увлечения произведениями основателей научного социализма: главным образом, если не исключительно, о них он готов был всегда делиться своими мыслями и планами, что, как известно, абсолютно не занимало анархиста Реклю, совершенно аполитичного Льва Мечникова и других знакомых, довольствовавшихся разной эклектикой.

Но, на счастье Георгия Валентиновича, кроме меня с Верой Ивановной, судьба весной же послала ему еще одного поклонника Маркса и Энгельса: я имею в виду упомянутого выше Н. С. Русанова.

До своего отъезда в горы, Н. Русанов часто бывал у Георгия Валентиновича, который охотно встречал его, о многом с ним беседовал и одно время сличал с ним сделанный им перевод «Манифеста Коммунистической партии».

Русанов уже состоял тогда сотрудником довольно популярного журнала «Дело», в котором поместил несколько толково написанных статей по экономическим вопросам. Между прочим, незадолго до отъезда за границу он вел там полемику с «И. Кольцовым», как подписывал тогда свои легальные статьи член «Исп. К-та Нар. Воли» Лев Тихомиров. В этой полемике Русанов отстаивал марксистские взгляды, о которых Тихомиров, хотя и являлся «лидером» нашей крайней революционной партии, не имел никакого представления. Это, однако, не мешало ему вступить в полемику и, по мнению столь же, как и он, осведомленных его сторонников, выйти из литературного поединка победителем.

На основании этой полемики Г. В. составил себе о Русанове представление, как об убежденном марксисте. Поэтому он очень обрадовался его приезду, а затем, познакомившись с ним лично, наметил его в число постоянных сотрудников затеваемого тогда «Вестника Народной Воли».

Было чему радоваться Плеханову: несмотря на свои 20 с чем-то лет, Н. С. Русанов являлся уже начитанным, в особенности по экономическим вопросам, писателем, владевшим бойким, легким пером. Как революционер он не имел за собой никаких заслуг и к подпольной деятельности почти вовсе не был причастен, если не считать некоторых сношений с легальными «чернопередельцами». Но это обстоятельство не могло иметь существенного значения для участия Русанова в названном заграничном журнале.

Из России, по его, а также его жены словам, им пришлось уехать из опасения быть арестованными, но нам, на основании их же рассказов, эти опасения казались мало основательными. Что за ними решительно ничего предосудительного, с точки зрения департамента полиции, не имелось, доказательством служил, между прочим, факт выдачи им заграничных паспортов, с которыми они переехали границу. Некоторые поэтому, помню, остряли, что юная чета бежала скорей от родителей, чем от полиции.

При нашем знакомстве с Русановыми они являлись молодой, очень симпатичной парочкой, скорее напоминавшей влюбленных гимназиста и гимназистку, чем супругов. Оба из великорусских семейств, они, кажется, сошлись против воли родителей. Будучи передовым молодым человеком, Н. С., помнится мне, стремился эмансипировать купеческую дочку, чтобы вырвать ее из темного царства, но возможно, что память изменяет мне ¹⁾.

[Забегая вперед, скажу здесь, что возлагаемые Плехановым на юного Русанова надежды в очень скором времени совершенно не оправдались. Чтобы не возвращаться более к этому знакомству Г. В., напомню в нескольких словах следующее:

[Против ожиданий Плеханова, пребывание Русанова за границей не только не укрепило и не подвинуло его дальше в процессе усвоения марксистского мировоззрения, но, наоборот, в сильнейшей степени ослабило у него и те из основ научного социализма, что он вывез из России. Это он обнаружил год с чем-то спустя после прибытия за границу в первой же написанной им для «Вестника Нар. Воли» статье.

[Напомню имеющийся в печати отзыв Плеханова об этой статье, озаглавленной «Банкротство буржуазной науки», подписанной псевдонимом К. Тарасов. «Статья Русанова, — писал Г. В. в августе 1883 г. П. Лаврову, — кажется мне слабоватой: Иванюкова и катедер-социалистов он не только

¹⁾ Замечу тут, что в минувшем году появились в Берлине «Воспоминания» Русанова, доведенные только до поездки его за границу. Пока я никаких существенных отличий его сообщений от моих не нашел. Кстати, по поводу этих его мемуаров я должен сказать, что написаны они каким-то деланным, искусственным тоном, почему производят впечатление неискренности; попадаются в них также прямые неверности.

не поразил, но даже не разбил, а, между тем, нам не следовало бы вступать в полемику с представителями официальной науки иначе, как нанося им тяжелый удар в общественном мнении» и т. д. ¹⁾

[После произошедшего у нас в конце лета 1883 г. разрыва с народовольцами ²⁾, Тихомиров, живший вблизи Женева (в д. Морнэ), переехал в Париж, чтобы сообща с П. Л. Лавровым редактировать «Вестн. Нар. Воли». Туда же, не помню, раньше этого или позже, переехали и Русановы. Совместная жизнь в одном городе с такими выдающимися лицами, как Лавров, Тихомиров и Опанина, не могла, конечно, не оказать влияния на еще неустановившегося тогда юношу. Припоминаю, что чрезвычайно быстро произошедшее в нем превращение из сторонников Маркса в «суб'ективиста», «народовольца» и эклектика все же нас несколько удивило.]

Теперь перейдем к пребыванию Георгия Валентиновича в Берне, куда, как мы уже знаем, он с семьей переехал летом того же года.

В главном городе Гельветической республики Плеханов вел еще более замкнутую жизнь, чем в Божии, так как там вблизи него не было и меня с Верой Ивановной, с которыми он ежедневно видался и подолгу беседовал. Единственная старая его знакомая, Анна Кулешова, усердно занимавшаяся медициной, не могла часто навещать его; к тому же круг ее интересов был далек от занимавших Георгия Валентиновича.

Проживал в то время в Берне также известный давний марксист, — проф. Зибер, с которым Плеханов впервые лишь там познакомился, но ни малейшей близости не произошло между ними: слишком различны были характеры, стремления и приемы мышления у этих двух крупных русских марксистов. Поэтому, несмотря на чрезвычайную приверженность их обоих к учению Маркса, они далеко не являлись единомышленниками: чуть ли не со второй фразы обнаруживались их разногласия по многим кардинальным вопросам.

¹⁾ См. мою брошюру «Г. В. Плеханов», стр. 100.

²⁾ См. «О сближении и пр.», — «Прол. Рев.», № 8/20, 1923 г.

[Я не присутствовал при их беседах, так как, кроме упомянутой обстановки в день похорон Теофилия Поляк, больше не приезжал в Берн. Но Георгий Валентинович потом, встретившись со мной в Женеве, подробно передал о своих беседах с Зибером. Насколько могу теперь припомнить, общее впечатление, вынесенное им об этом последователе Маркса, было скорее неблагоприятное. Это станет понятно, когда вспомним взгляды Зибера относительно теорий Маркса и Энгельса в их применении к конкретной действительности не только в России, но даже и в наиболее капиталистически развитых государствах.]

[Известно, что проф. Зибер считал совершенно излишней роль «акушерки» при возникновении нового строя, так как все, мол, само собой образуется: достигнув известной степени развития, капитализм обязательно будет заменен социализмом; активная роль как отдельных лиц, так и целых классов не только не нужна ни при этой смене, ни в предшествовавшие ей периоды, но является теперь, а также и в будущем, излишней, даже вредной, потому что она может на некоторое время затянуть, затормозить естественный процесс. Поэтому проф. Зибер отрицал всякую классовую борьбу пролетариата, он не признавал необходимости развивать самосознание рабочих, высмеивал революционную деятельность и т. д.]

[Не странными ли после этого являются утверждения некоторых «компетентных исследователей», сообщающих, будто бы Зибер имел какое-то влияние на усвоение Плехановым марксистских воззрений? Такие заявления могут служить лишь наглядным свидетельством полного непонимания со стороны этих лиц воззрений как первого, так и второго. Насколько мне известно, Зибер ровно никакого влияния на Георгия Валентиновича, — как и на всех нас, его единомышленников, — не оказал уже по тому одному, что, за редкими исключениями, свои произведения он излагал дубоватым, неудобопонятным языком, почему куда легче и интереснее было читать подлинные произведения Маркса и Энгельса, а не его тяжеловесную популяризацию их взглядов.]

[Не правилась, помню, Георгию Валентиновичу также и манера Зибера спорить. Это, в сущности, не был спор, так как этот «безупречный марксист» лаконично заявлял,

что будет то-то или так-то, решительным тоном, не допуская никаких возражений. Зная сколько-нибудь Георгия Валентиновича, легко себе представить, как такая манера, да и весь склад ума и понимания Зибера, должны были его раздражать. Плеханову, уже тогда хорошо усвоившему воззрения основателей научного социализма, Зибер представлялся каким-то самодовольным фаталистом, обретшим истину, которая, будто бы, давала ему право снисходительно смотреть на совершенно ненужную людскую возню и разные там хлопоты, когда достаточно, мол, вооружиться терпением и спокойно ждать, сложа руки, завершения имманентного процесса. Пылкого, страстного борца за возможное ускорение естественного хода, каким всегда был Георгий Валентинович, вышеприведенные рассуждения могли только довести до белого каления.

[После этого, полагаю, всем станет понятно, почему Плеханов не мог сойтись с Зибером: то были полные противоположности, антиподы ¹⁾.]

Недолго прожил Георгий Валентинович в Берне: вскоре оказалось, что Розалии Марковне удобнее окончить медицину в одном из университетов французской Швейцарии, дававшем право по окончании заниматься там практикой.

¹⁾ Повидимому, всего этого не принял во внимание, а вернее вовсе не знал или не понял Л. М. Клейнборт, выпустивший недавно небольшую брошюру, посвященную жизни и деятельности Н. И. Зибера: в противном случае он, вероятно, воздержался бы от несколько преувеличенных превозношений заслуг этого экономиста. Насколько Л. Клейнборт правильно разбирается в марксизме вообще, а во взглядах Плеханова и других членов группы «Освоб. Труда» — в частности, доказательством может отчасти служить, что в монографии о Зибере он совершенно не упоминает об указанном мною отрицательном отношении этого «безупречного» последователя Маркса к роли сознательного пролетариата в борьбе за новый социалистический строй. И наряду с умалчиванием о столь важной особенности в воззрениях Зибера его апологет непрерывно повторяет, что он являлся правоверным марксистом!.. Л. М. Клейнборт также утверждает, что работы Зибера... по духу, по историческому своему смыслу предшествуют «Нашим разгласиям» (стр. 31)...

Хороши же и рецензенты-марксисты, расхваливающие эту «работу» Л. М. Клейнборта, не упоминая о том, что слова-то он и не заметил...

Они, поэтому, переехали в Женеву, где, после короткого перерыва, мы вновь все сошлись и уже не расставались вплоть до моего отъезда во Фрейбург в начале марта 1884 г., о чем я уже подробно сообщил в очерке — «Первые шаги группы Освобождение Труда» (Сборн. № 1).

II. ПЕРЕГОВОРЫ С «ПРИДВОРНЫМИ СФЕРАМИ».

По приезде в Женеву я немедленно пошел к Тихомирову. После очень радушного приветствия он тотчас приступил к изложению дела, по поводу которого экстренно меня вызвал из Цюриха. Лишь только он приехал из России в Женеву, в то время, когда я путешествовал по немецкой Швейцарии, как получил из Парижа от Марии Николаевны Опапиной телеграмму, которой она приглашала его немедленно приехать к ней по важному делу. С'ездив в Париж, он узнал от нее и Петра Лавровича, что приехал из России какой-то господин, который от имени возвращающихся в придворных сферах высокопоставленных лиц предлагает «Исполнительному Комитету» выпустить прокламацию с заявлением, что, ввиду нареканий со стороны общества, будто бы из-за революционеров правительство не делает либеральных реформ, «Исп. К-т» обещает до коронации не совершать никаких террористических актов. Высокопоставленные лица уверены, что такая прокламация успокоит царя, а, благодаря этому, им, «сферам», удастся во время коронации добиться объявления о созыве Учредительного Собрания. В доказательство же «Исп. К-ту», что их обещание не пустые слова, они предлагают ему, — раз он согласится на выпуск такой прокламации, — потребовать от них в залог большую сумму денег, которая достанется К-ту, если после коронации окажется, что конституция не дарована.

Петр Лаврович и Мария Николаевна чрезвычайно серьезно отнеслись к этому предложению и от своего имени предложили этому посреднику в виде проекта такие условия: лишь только «Исп. К-т» выразит свое согласие на выпуск этой успокоительной прокламации, тайнственные высокопоставленные лица должны внести в Английский банк миллион рублей на имя нейтрального лица, напр. Э. Реклю,

с тем, что последний, будучи посвящен в условия переговоров, возвратит их обратно, если обещание о даровании конституции осуществится, и, наоборот, он передаст их Исп. К-ту, в случае неисполнения этого обещания. Далее, раз будет выпущена требуемая этими лицами прокламация, они должны добиться от царя освобождения Чернышевского еще до коронации, и, наконец, по обоюдному согласию этих высокопоставленных лиц и Исп. К-та будет выбрано третье лицо из среды всем известных почтенных литераторов или общественных деятелей, которому будут сообщены теми лицами данные, указывающие на их связи и имеющееся у них влияние: когда это доверенное лицо скажет, что дело это действительно серьезное, тогда только Исп. К-т вполне поверит. На все эти сообща намеченные условия, по словам таинственного посредника, несомненно последует согласие, раз только Исп. К-т, в свою очередь, согласится выпустить вышеуказанную прокламацию. Далее Тигрич сообщил мне, что перед отъездом из России он виделся с Верой Фигнер, но что она решительно не намерена была оставить террористическую деятельность: хотя в последнее время были арестованы почти все старые члены Исп. К-та, но Вере Николаевне удалось организовать из бывших «кандидатов» новую террористическую группу. Необходимо было, поэтому, столкнуться с ней и с ее группой для ведения переговоров с «высокопоставленными лицами». Путем переписки этого решительно нельзя достигнуть, так как адресов надежных нет у него, да и дело может слишком затянуться, потому что придется уговаривать и склонять Веру Николаевну и других; словом, необходимо лично кому-нибудь свидеться с Верой Ник. и убедить ее и ее товарищей, чтобы они согласились на это заманчивое предложение.

— Так вот, — закончил Тигрич, — нужно съездить в Россию, но я только что оттуда приехал; к тому же, вы знаете, жена на-днях должна родить, а Мария Николаевна больна...

Не трудно было догадаться, к чему клонилась его речь.

— Если дело, действительно, требует личных переговоров и я гожусь для этого, то я поеду, — ответил я.

— Признаться, мы с Марией Николаевной остановились именно на вас: вы вполне подходящий для этого человек, — вы сможете убедить Веру и других. Мы были уверены, что

вы согласитесь, и я очень рад, что мы не ошиблись. Но вот еще: почему бы вам, Евгений, не вступить в Исп. К-т? Вас мы, ведь, давно считаем кандидатом; мы с Марией Николаевной уже говорили об этом и решили предложить вам вступить теперь в него.

Все это он произнес таким тоном, словно мне уже об этом сообщали, и он недоумевает, почему я до сих пор не выразил согласия. Я, конечно, понял, что это не более как дипломатический прием, и так же дипломатически отклонил это предложение, заявив, что, по моему мнению, вступить, будучи за границей, в несуществующий там Исполнительный Комитет нельзя, а можно лишь по приезде в Россию и получив предложение от тамошних его членов. Несколько помявшись, он сказал:

— Ну, конечно, только живущие в России могут вас принять, но мы с Марией Ник. уверены, что они согласятся, и в нашем письме, которое передадим с вами Вере, мы сообщим ей, что предлагаем вас.

— Это уж ваше дело, — ответил я, — что именно вы ей напишете.

На этом разговор наш о моем вступлении окончился. Впоследствии, даже когда у нас с ним установились враждебные отношения, [о чем я уже сообщил в очерке «О сближении и разрыве с народовольцами»], он все же ставил мне в заслугу этот мой отказ, — находил его, по словам Плеханова, «благородным поступком», — так как, мол, прими я это предложение, он, конечно, стал бы вполне со мною откровенничать, и я, вообще, мог многое бы извлечь из этого «высокого звания».

На самом же деле, отказываясь от столь лестного тогда титула, я, как и в большинстве случаев в моей жизни, руководствовался чутьем, подсказавшим мне, что со стороны Марии Николаевны и Тихомирова предложение вступить в Исп. К-т являлось подачкой, стремлением завлечь меня, — намерением таким путем сделать меня «верноподданным» и усердным адептом «Нар. Воли». Между тем, зная уже тогда, со слов болтливой Екатерины Дмитриевны (жены Тихомирова) о полном почти разгроме террористов, я несколько не находил привлекательным, заманчивым являться членом если не отжившего уже вполне, то, во

всяком случае, отживавшего свой короткий век Исп. К-та. Мне поэтому не хотелось связывать себя согласием на вступление в К-т, предчувствуя, что, может быть, впоследствии придется пожалеть о скороспелом согласии. И действительно, спустя короткое время, я был очень рад, да и теперь еще, по прошествии многих десятилетий, продолжаю быть довольным, что тогда отклонил эту сомнительную честь.

Несмотря на мое согласие поехать в Россию для переговоров с Верой Николаевной Фигнер, нелегко было немедленно осуществить это намерение, так как неизвестно было, где я смогу ее найти. Тихомиров заявил мне, что перед отъездом из России он виделся с нею в Харькове, откуда она вскоре затем должна была куда-то уехать. Он только условился с ней насчет переписки, но для личной встречи не имел ни единого надежного адреса. Более того: он даже не знал, на юге ли она, на севере ли, востоке или западе России? По его словам, мне, может быть, пришлось бы поехать сначала в Москву и Питер и через очень далеко стоявших от революционеров лиц узнавать, где она. Если же ее там не оказалось бы, то нужно было бы ехать в Казань и опять такими же далекими путями разыскивать ее; то же самое предстояло мне на юге и т. д. Словом, вопрос, как найти Веру Николаевну, являлся очень сложным и сопряженным с риском попасться, ничего не сделавши. Поэтому необходимо было заготовить чрезвычайно надежным паспортом и достаточным количеством средств для предстоявших разездов по России.

Паспорт для легального проезда через границу я вскоре достал через Павла Борисовича Аксельрода у какого-то немца, так как я намеревался приехать под видом иностранца; деньги решено было взять заимообразно в кассе заграничного Красного Креста.

Я с'ездил в Фонтанивань¹⁾, чтобы помочь Вере Ивановне переехать на жительство в Женеву, так как в моем отсутствии тамошний *garde champêtre* [вроде нашего сотского] пристава к хозяевам ее квартиры с требованием [показать] *permis de séjour* [вид на жительство], которого у Веры Ива-

¹⁾ Небольшой поселок выше Божи, над Клараном, где жили весной мы с В. И. Засулич.

новны не было, и грозил општрафовать их, чем их очень напугал.

Между тем, Мария Николаевна посылала письмо за письмом, спрашивая, когда я, наконец, соберусь в дорогу. Ввиду отсутствия надежного адреса для отыскивания Веры Николаевны и предполагая его получить от Марии Николаевны, мы с Тихомировым решили, что лучше мне предварительно съездить к ней в Париж; к тому же я желал, если это окажется удобным, лично свидеться с таинственным посредником, чтобы вынести непосредственное впечатление о нем и о предлагаемом им деле.

Приехав в Париж, — кажется, в первых числах сентября (1882 г.), — я немедленно отправился к Марии Николаевне, затем побывал у Петра Лавровича: оба они были в восторге от хода переговоров с «посредником», оба считали это дело вполне серьезным и важным. В дополнение к изложенному мне Тихомировым, они сообщили мне еще некоторые подробности, из которых явствовало, что разные Воронцовы-Дашковы и Шуваловы настолько заинтересованы в этом деле, что хоть сейчас готовы внести обещанную сумму и пр. Мое намерение лично повидаться с приезжим господином она и Петр Лаврович находили неудобным ввиду предстоявшего моего отъезда в Россию, так как этот господин мог догадаться, что именно я отправляюсь к Исп. К-ту, а затем, быть может, случайно где-нибудь в России мог бы встретить меня. Относительно адресов положение несколько не улучшилось, так как Марья Николаевна, кроме своих родственников, живших в Орле и не имевших связи с революционерами, не могла придумать никаких других более надежных и непосредственных путей. Все же я собирался ехать разыскивать Веру Николаевну, хотя и очень окольными путями, полагаясь на заявления Марьи Николаевны и Петра Лавровича, что намечавшееся дело заслуживает требовавшегося для его осуществления огромного риска.

Сколь большое значение придавал Петр Лаврович этому предложению, можно было отчасти судить уж по тому, что, как он сам мне говорил вполне серьезно, он предлагал себя в качестве делегата к Вере Николаевне и к другим; но, конечно, Марья Николаевна и Тихомиров отклонили его от этого. Он очень воодушевлялся и прямо ликовал,

говоря о том моменте, когда освободят Чернышевского и царь дарует конституцию. В случае, если последней не будет, он до того был уверен в получении нами миллиона, что уже набросал на бумаге подробный проект, как распределить эти средства, а также детальный план будущих литературных изданий. Когда он читал мне эти свои произведения, я не мог удержаться от громкого смеха, чем несколько задел старика: в ответ на его вопрос, почему я смеюсь, я сказал ему, что это совершенно напоминает мне дележку шкуры еще бегущего в лесу медведя. Но легковверный старик, несколько смутившись, возразил:

— Не мешает, знаете, заранее обо всем сговориться и точно определить, а то вот мы с Марьей Николаевной теперь уже спорим и никак не можем согласиться насчет распределения этих денег, — что же будет, когда в наших руках очутится вдруг такая большая сумма?

Пока, таким образом, он с Марьей Николаевной занимался сборами жарить журавля, еще летавшего на просторе, мне было очень жалко для моей поездки очистить кассу заграничного Красного Креста, которая, быть может, никогда не будет пополнена. Поэтому мне вскоре пришел в голову план, лучше получить предварительную синицу в руки.

«Если, — рассуждал я, — эти высокопоставленные лица действительно готовы жертвовать громадные суммы на это дело, то почему же не получить с них небольшие средства на расходы по поездке, чтобы не истрачивать на это последние гроши, к тому же из сборов Красного Креста?»

Я, поэтому, посоветовал Петру Лавровичу, который, главным образом, вел переговоры с «тайнственным незнакомцем», заявить последнему, что, прежде чем обращаться к Исп. К-ту с изложением условий переговоров насчет этого дела, необходимо сговориться между собой всем заграничным, живущим в разных странах Зап. Европы, членам партии «Нар. Воли»; для этого нужно, мол, устроить предварительный съезд, на что потребуется несколько тысяч рублей, которых мы вовсе не желаем издерживать, не зная наверно, чем кончатся переговоры с этими высокопоставленными лицами; поэтому Петр Лаврович предлагает этому посреднику переводом по телеграфу через банк потребовать от этих лиц нужную нам сумму на предварительные расходы, если он

сам не располагает ею или не может самостоятельно решиться вручить ее нам немедленно.

Петр Лаврович и Марья Николаевна вполне одобрили мой план и при ближайшем свидании с посредником Лавров сообщил ему об этом, а тот, в свою очередь, вполне согласился с нашими доводами и обещал немедленно телеграфировать об этом в Питер, заранее высказывая уверенность, что там согласятся на вручение им Лаврову требуемой нами сравнительно ничтожной суммы, — кажется, в две-три тысячи рублей или франков, — когда они обещали миллион.

Предлагая этот план, я, кроме нежелания тратить наши деньги на мою поездку, также видел в нем некоторый довод для более твердого убеждения себя, что дело это, действительно, серьезное. Если нам доставят эту сумму на предварительные издержки, то я решил поехать в Россию, если нет, тогда будет очевидно, что дело это пустое: я не буду рисковать своей свободой и не растрачу последних средств Красного Креста.

Между тем, срок, назначенный посредником для получения из России требуемой нами суммы, давно истек, а деньги все не приходили. Меня начало разбирать сомнение относительно серьезности всего дела, но Петр Лаврович и Марья Николаевна продолжали твердо верить, что деньги не сегодня-завтра будут, так как посредник показал Лаврову какую-то телеграмму, из которой явствовало, что задержка в высылке денег вполне естественная; поэтому он каждый раз назначал новый срок, говоря, что теперь уже наверное их получит. Мой отъезд откладывался с одного числа на другое. Я все более и более склонялся к мысли, что это важное дело не более как какая-нибудь новая хитрость Судейкина, чтобы изловить террористов, но когда я заикался об этом Марье Николаевне и Петру Лавровичу, они чуть не выходили из себя от такого предположения, так как, повторяю, были глубоко уверены, что это, действительно, дело высокопоставленных лиц, «придворной партии».

В этих ожиданиях прошли недели две: я стал окончательно терять терпение. И вот, однажды, в полдень, после свидания с посредником, П. Л. с Мар. Ник., будучи у меня на квартире, продолжали уверять меня, что на-днях уже несомненно получатся деньги; я же утверждал противное

и выражал желание вернуться в Женеву, где меня ждали некоторые дела; к тому же мне надоело при неопределенном ожидании жить в Париже. Но Петр Лавр. и Марья Ник. настоятельно уговаривали меня подождать еще несколько дней; в конце концов, я, скрепя сердце, согласился. Перед уходом Марья Николаевна пригласила меня и Петра Лавровича прийти к ней вечером на «чашку чая», чтобы сообща провести несколько часов. Я обещал; но лишь только они удалились, как меня снова разобрало сомнение: я видел, что только напрасно теряю время в тщетных ожиданиях. Взглянув на расписание поездов и на часы, мне вдруг пришла мысль немедленно уложить вещи и, если успею попасть к отходу поезда, так как оставалось немного минут, то уеду, если же нет,—буду ждать до назначенного срока.

Наскоро собрав вещи и расплатившись в гостинице, я, торопя извозчика, летел на вокзал, и не прошло $\frac{3}{4}$ часа, со времени ухода от меня Петра Лавровича и Марьи Николаевны, как я уже мчался в поезде, увозившем меня в Женеву. Только в пути я написал Лаврову и Опаниной о том, как произошел мой внезапный отъезд. Потом я узнал, как в условленный вечер Марья Николаевна и Петр Лаврович долго ожидали моего прихода, недоумевая, почему я не являюсь; а, узнав на следующий день из моего письма о моем отъезде, они были очень недовольны.

По возвращении в Женеву, я, конечно, со всеми деталями передал Тихомирову и Вере Ивановне о всем известном мною по поводу этого «серьезного и важного предприятия». На основании моих сообщений и они также перестали в него верить. Но Марья Николаевна с Петром Лавровичем время от времени еще продолжали в своих письмах упоминать о переговорах с посредником и о причинах проволочек в доставлении им в сущности ничтожной суммы. Наконец и они замолкли, после того, как сообщили, что «посредник», при последнем свидании с Петром Лавровичем, показал ему какую-то телеграмму, в которой его вызывали для переговоров по этому же делу в Россию. Несмотря на обещания написать из России, он, однако, не подавал о себе вестей.

Более никто, конечно, уже не заикался о моей поездке в Россию; наоборот, все были довольны, что, надумав план получения от посредника небольшой суммы на предвари-

тельные расходы, я, таким образом, как бы изобличил его; поэтому не поехал в Россию и не попался в цепкие лапы Судейкина; не говорю уже о том, что, благодаря моей выдумке, не было истрачены собранные по пфеннигам и сантимам у европейских рабочих средства загран. Красного Креста.

Чтобы закончить здесь относительно этой истории, в которой, как я тогда предполагал, главным действующим лицом был начальник охраны Судейкин, сообщу еще, что несколько месяцев спустя эта история опять выплыла на сцену, но уже не из-за границы, а из России. При этом в нее втянуты были солидные литераторы (Михайловский, Николадзе) так же, как и Петр Лаврович с Марией Николаевной, уверовавшие в серьезность этой затеи. Михайловский по этому делу поехал в Харьков, чтобы свидеться с Верой Николаевной и убедить ее принять предложение «высокопоставленных лиц». Фигнер ухватилась за этот план и послала от себя делегатом к Тигричу и Марье Николаевне Неонилу Салову; почти одновременно приехал в Женеву также Николадзе. Но, как и следовало ожидать, все это кончилось пучком, хотя Марья Николаевна, Лавров, Спандони и другие легковверные до последних дней своих были убеждены, что вся эта затея была предпринята действительно высокопоставленными особами, но, мол, предательство Дегаева или что-нибудь другое помешало довести переговоры до конца. Конечно, неприятно было сознавать, что они так легко поддались на удочку Судейкина; к тому же куда заманчивее воображать, что вот как в высших сферах смотрели на силу и значение Исп. К-та.

* * *

Этим в моих «Карийских тетрадах» исчерпывается история переговоров знаменитого Исп. К-та. Впоследствии, как известно, оказалось, что затеяла их так называемая «Священная дружина». Эта черносотенная организация, в которую входили многие, начиная со шпиков и кончая гр. Шуваловым, была потом подробно описана одним из ее участников, ген. Смильским ¹⁾. Таким образом я был не далек от истины, когда предположил, что переговоры были затеяны Судейкиным.

¹⁾ См. «Гол. Мин.», 1916 г., №№ 1 — 6.

КОМИТЕТ

ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

3
283-3a

283-3a

ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ
ТРУДА»

(ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Л. Г. ДЕЙЧА

СБОРНИК № 3

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

1925

ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Что такое социализм?	5
<i>Фр. Энгельс.</i> —О захвате власти «Исполн. Ком-том Народной Воли».	21
<i>П. А. Берлин.</i> —Плеханов-западник	28

<i>Л. Г. Дейч.</i> —Г. В. Плеханов в „Земле и Воле“	44
<i>Н. Кулябко-Корецкий.</i> —Мои встречи с В. И. Засулич	68
<i>Р. М. Плеханова.</i> —Страница из воспоминаний о В. И. Засулич	82
<i>М. Каменская.</i> —Жизнь Г. В. Плеханова в конце 80-х г.г.	88
<i>Л. Дейч.</i> —Я. В. Стефанович среди народовольцев.	96
<i>Л. М. Л.</i> —В. Н. Игнатов	122
<i>Л. Г. Дейч.</i> —Из карийских тетрадей: III. Печальная весть с родины.	
IV. Аня.	129

ПИСЬМА:

<i>П. Б. Аксельрод.</i> —Товарищам в Швейцарию	139
<i>„Исп. Комитет“.</i> —К заграничным товарищам	143
<i>С. Кравчинский.</i> —К членам „Исп. Ком-та Нар. Воли“.	152
<i>Л. Дейч.</i> —К товарищам в Россию.	154
<i>С. Кравчинский.</i> —К Л. Г. Дейчу.	157
<i>Л. Дейч и Я. Стефанович.</i> —Переписка.	161
<i>А. И. Зунделевич.</i> —К Л. Г. Дейчу.	197
<i>Г. В. Плеханов.</i> —К В. И. Засулич.	227
<i>В. И. Засулич.</i> —К С. Кравчинскому-Степняку	243
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Переписка с иностранными товарищами	245

<i>Л. Дейч.</i> —Основательно ли нападение?	260
<i>Я. В. Стефанович.</i> —Русская революционная эмиграция	278
Показания „знатных путешественников“	293
<i>Р. М. Плеханова.</i> —Наши встречи со „знатными путешественниками“.	298
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Новая драма в Сибири	304

ИЗ КАРИЙСКИХ ТЕТРАДЕЙ ¹⁾

III.

ПЕЧАЛЬНАЯ ВЕСТЬ С РОДИНЫ

Помню, однажды в знойный июльский день Жорж зачем-то пришел к нам днем и вскоре, перебегая с предмета на предмет, завели мы какой-то спор об астрономии. Чтобы позабавить [нас], Плеханов стал утверждать какую-то явную несообразность; мы с Верой Ивановной возражали ему, ловили его на противоречиях и много смеялись, [когда] открылась дверь, и вошедшая «Рыженькая Вера» ²⁾ с какой-то дамой сказала: — «Вот вас спрашивают», после чего исчезла.

Незнакомая дама, протянув руку, произнесла:

— Не узнаете?

Тогда только Жорж обрадованным голосом воскликнул:

— Екатерина Дмитриевна ³⁾! Какими судьбами?

— А такими, что всех уже переарестовали: нас осталось только трое — Лев, Вера и я, — ответила она с грустью. Лев тоже сюда едет, а Вера пока еще не согласилась, но, вероятно, убедится скоро, что нечего больше делать.

Не могу описать, какое ужасное впечатление произвели на нас, — на меня в особенности, — ее слова: уже и до того, в виду отсутствия известий из России и тревог Марьи Николаевны, можно было предполагать, что положение

¹⁾ См. Сборник № 2.

²⁾ Так мы называли жену землевольца Александра Хотинского.

³⁾ Е. Д. Сергеева, член «Исп. Ком.», жена Тихомирова.

народовольцев плачевно, все же имелась еще надежда, что, — как это и раньше уже случалось, — они лишь временно дезорганизованы и скоро снова оправятся. И вот вдруг узнаем о полном разгроме еще недавно казавшейся неуязвимой партии и о бегстве за границу последних могижан!

Присев к столу и закусывая, Екатерина Дмитриевна стала подробно и очень откровенно рассказывать нам о всем случившемся в последнее время.

— Партия наша, — говорила она, — не разрушена, т.-е. зеленая молодежь, разделяющая народовольческую программу, существует, но организации больше нет, и она не может уже вновь создаться.

По ее словам выходило, что нет элементов, которые могли бы заменить арестованных старых членов «Исполнительного Комитета». Да и будь они, — при теперешних приемах полиции с Судейкиным во главе, совершенно невозможно удержаться в столицах и в больших городах. Они с Тигричем и Верой ¹⁾ потому лишь уцелели, что жили в последнее время в провинции. Ни серьезных связей, ни материальных средств нет у них, и им с трудом удалось достать немного денег на ее отъезд за границу. Между прочим, Екатерина Дмитриевна рассказала, какую уйму шпионов развел Судейкин повсюду и к каким тонким и хитрым махинациям прибегал он для выслеживаний и арестов народовольцев. Укрыться от повсюду им расставленных сетей нет решительно никакой возможности. Организация «Народн. Воля» обречена, таким образом, на гибель.

Все это она сообщила таким тоном и так откровенно, словно мы всегда были самыми близкими людьми, перед которыми не следует ничего скрывать. Это, признаться, нас несколько удивляло с ее стороны, и мы объясняли себе это ее полным отчаянием относительно будущего их партии, под влиянием разразившегося окончательного разгрома «Народной Воли». Отчасти своим внешним видом, а еще более откровенными [своими] излияниями она напоминала мещанку или поповну, попавшую, было, на время в важные барыни, но, после неожиданного несчастья, снова воз-

¹⁾ Кличка Тихомирова; Вера Николаевна Фигнер.

вращенную в «свое первобытное состояние». (Промеж себя мы и дали ей кличку «попадья»). Всегда некрасивая, — толстая, с неправильными чертами лица, — она стала еще хуже теперь, в виду последних месяцев ее беременности.

Окончив рассказ о постигших «партию» бедствиях, она, с присущими ей мещанскими приемами, стала жаловаться на свое бедственное материальное положение и тут же начала спрашивать, где и как ей удобнее устроиться в виду близких родов.

Обсудив [сообща] ее положение, [мы] нашли, что ей всего лучше устроиться в Женеве, куда Марфуша ¹⁾ вызвалась поехать с ней, чтобы там лучше ее устроить. Хотя нас в очень сильной степени огорчили сообщения Екатерины Дмитриевны, все же мы были рады, что хоть эти трое уцелели, и что Тигрич также решил уехать за границу.

Но странное дело! После первого тяжелого впечатления, произведенного ее сообщениями, оставшись вскоре наедине с Марфушей, когда Екатерина Дмитриевна ушла с Жоржем в Божю, я не только не впал в уныние, — что было бы вполне естественно, — но, наоборот, почувствовал, что снова начинает во мне просыпаться деловое настроение. Все наши заграничные предприятия: типография, уже отпечатанные в ней издания и другие проектировавшиеся в близком будущем издания «Красн. Креста», а также связи с отдельными лицами и группами, — все это имело смысл не само по себе, а ввиду существования в России обширной и популярной организации и наших с нею сношений. Теперь же оказалось, что последней нет, и, судя по вполне правдивым рассказам Екатерины Дмитриевны, немислимо было надеяться на появление ее в близком будущем.

«Однако — стал я размышлять — невероятно, чтобы движение, существующее без перерыва около десяти лет, вдруг сразу окончательно прекратилось. Возможен более или менее продолжительный перерыв, изменение направления, но трудно думать, чтобы бесследно прекратилось все то, что уже разбужено и вызвано наружу революцион-

¹⁾ Революц. псевд. Веры Ивановны Засулич.

ным движением. Поэтому, уцелевшие еще и не могущие примириться с существующей в России действительностью лица устремятся за границу, и здесь, подобно тому как это уже было в 1872—1873 г.г. в Цюрихе, снова произойдет оживление; таким образом, здесь создастся естественный центр для пропаганды путем печати и устно, среди наехавшей молодежи. Тогда явятся средства и возможность отсюда предпринимать что-нибудь для поддержания социалистического движения в России. Мы, бывшие чернопередельцы, сможем или вполне самостоятельно, как независимая группа, или же заодно с Тигричем, Марьей Николаевной и др. из-за границы стараться о создании в России элементов и об установлении с ними связей. Поэтому не только неотчего пока приходить в отчаяние, но, наоборот, вероятно, что нам предстоит в близком будущем масса дела».

Когда я изложил Марфуше свои соображения, она вполне согласилась с ними, найдя их верными и осуществимыми. Помню, тогда же, разговаривая по поводу моих предположений о предстоящей в близком будущем роли заграницы как временного центра для влияния оттуда на Россию, мы вспомнили об оказавшемся вещим сне, снявшемся мне более чем за год до того [а именно], что Судейкин, бывший тогда в Киеве, переведен в Петербург, где ему удалось переловить всех крупных уцелевших народовольцев: теперь, судя по сообщению Екатерины Дмитриевны, почти вполне сбылся этот сон. Но, — что еще страннее — я тогда же сказал Марфуше, что разгром «Народной Воли» кладет начало торжеству марксизма в России, и мы с Жоржем явимся основателями первой ячейки. Марфуша устремила на меня взгляд и сказала:

— А ведь это верно!

Но, создастся ли за границей «очаг» революции и если — да, то когда еще это случится, а пока нужно было что-нибудь предпринять с типографией, в которой продолжали находиться два постоянных, с месячным жалованьем, наборщика. О возможности в близком будущем приступить к печатанию журнала и думать нечего было, после сообщений Екатерины Дмитриевны. Совсем закрыть ее хотя бы на время я находил непрактичным по многим соображениям, между прочим, и потому, что не хотел, чтобы эмигрантская пу-

блика увидела в этом столь быструю ликвидацию дел. Я поэтому остановился на решении сократить «штат», а также и «оклады служащих». Я написал Ивану и Вас — у ¹⁾, что ввиду отсутствия надежд на работы в близком будущем нельзя содержать двух наборщиков и предложил Вас — у с следующего месяца искать себе занятие где-нибудь в другом месте. Ив[ану] же, вместо 150 франков в месяц [60 р.], предложил довольствоваться только сотней [40 р.]. Затем, когда Вас[илев]ский пристроился в типографии «Вольн. Слово», я снова стал отыскивать работу для одного Ивана, а так как печатание «Автобиографии Худякова», присланной Лавровым, уже приходило к концу, я надумал издать 2-ю книжку «На Родине».

Помню, что из помещенного мною в ней материала особенный интерес представляло письмо Елены Антоновны Косич к Ане ²⁾, в котором она описывала свой переезд из Олонецкой губ., где она была в ссылке, в Зап. Сибирь, а также статья приехавшего Тигрича, в которой изображалось ужасное положение где-то в [улусе] Якут. области за пустыки высланного туда некоего Шиллера. Представляли также интерес помещенные там слухи о Чернышевском. В конце книжки снова приложен был отчет «Загр. Кр. Кр.». Нельзя было также думать пока об устройстве постоянной доставки через герман[ско]-русскую границу наших женевских изданий, так как некому было их доставлять [туда].

И вот, кроме незначительного количества экземпляров, отдаваемых мною заграничным книгопродавцам на комиссию, все почти издания лежали в типограф[ии]. Пока я решил пользоваться случайными случаями для пересылки хоть в 2—3 экз[емплярах] каждой брошюры в Рос[сию], в какие представлялось возможным города и местности. Таковыми случаями являлись, главным образом, возвращавшиеся домой на каникулы студентки и очень редко — путешественники, вояжеры.

¹⁾ Иван Васильевич Бохановский и эмигрант Василевский.

²⁾ А. М. Розенштейн-Макаревич (Кулешова-Турати); Косич — сестра в свое время известного генерала, приятельница Ани, принадлежала к «сочувствовавшим» и была за дружбу с последней выслана админ. на Север, а потом оттуда — в Сибирь.

Я решил не упускать ни одного такого уезжающего, не обменявшись с ним адресами и не условившись относительно переписки, а также, если представится возможность, чтобы он прислал мне рукописи для печатания у нас, а я ему буду стараться посылать наши издания...

Ввиду сообщений Екатерины Дмитриевны о разгромах в России, Марфуша также не могла более рассчитывать на сношения с «центр. груп. Красн. Кр.», которой, вероятно, и след простыл. Поэтому она решила впредь, не прекращая сборов для «Красн. Кр.», стараться по возможности самой непосредственно заботиться о посылк[ах] небольших сумм лицам, высланным и заключенным, через их родственников и знакомых. Она таким образом, помню, несколько раз посылала Зунделевичу через Анку, лично знавшую его родных в Вильно, передавала Котурницкому [псевдоним] для отправки его брату (Кобылянскому), а также дала Элизе Реблю некоторую сумму, чтобы он отправил ее Клеменцу, от своего имени. Но не помню, получала ли она [В. И.] уведомления о том, что эти посылки дошли до названных лиц.

Съездив в Женеву для устройства там Екатерины Дмитриевны, Марфуша скоро вернулась обратно и сообщила, что Екатерина Дмитриевна не только там откровенно рассказывала о полнейшем разгроме «Исп. Ком.», но что она то же делает и перед совсем посторонними лицами, напр., Добровольским, который, при его отрицательном отношении к «народовольцам», мог пересказать узнанное другим. Нам это казалось вовсе непрактичным и неуместным. Поэтому мы же, не принадлежавшие к «Нар. Воле», должны были указать Екатерине Дмитриевне на то, что вовсе не следует откровенно рассказывать посторонним людям о действительном положении дел в России, что этим она в глазах эмиграции может многое потерять и повредить в будущем их же направлению.

Какая, — неправда ли, — странная перемена ролей? Мы, недавние чернопередельцы, должны были внушать старой народоволке о необходимости не ронять их престижа ¹⁾!

¹⁾ Спрашивается, мыслимо ли было бы такое с нашей стороны отношение, если бы наше намерение присоединиться было неискренним?

Из Женевы Марфуша привезла также следующее загадочное и таинственное сообщение. Однажды она неожиданно встретила там с Дебогорием-Мокриевичем, который с предыдущего года жил безвыездно в Париже. Он, Россель и Луцкий ¹⁾ совсем уже собрались ехать в Марсель, чтобы оттуда направиться через Константинополь в Вост. Румелию, как вдруг получается от Драгоманова телеграмма, в которой он приглашает Мишку ²⁾ приехать в Женеву по очень важному делу, на его счет. Здесь Мишка узнает, что какой-то господин, имеющий крупные связи в России, приехал оттуда с специальной целью разыскать за границей лиц, близко стоящих к «Испол. Ком.»: последнему он намерен предложить от имени некоторых высокопоставленных особ очень заманчивые условия с тем, чтобы, в интересах либеральной придворной партии, «Исп. Ком.» прекратил до коронации террор, обещая, благодаря этому, добиться от царя амнистии и политических свобод. Не считая себя вправе вступать с этим господином в какие-нибудь переговоры, Мишка снесся с Мар[ьей] Николаевной, приглашая ее также приехать в Женеву. Она же нашла более удобным, чтобы Мишка с этим господином приехали в Париж. За серьезность этой истории, казалось, говорили, кроме больших издержек со стороны этого господина, — как приезд Мишки в Женеву, так и обратный с ним состоялся в 1-м классе экстренного поезда, — и имевшаяся у него рекомендация к Драгоманову. Марфуша, очевидно, проникшаяся взглядом на это дело Драгом[анова] и Мишки, выразила неудовольствие, когда я попытался скептически отнестись к нему. Как бы то ни было, согласно просьбе Мишки, мы никому не сообщали об этом.

[О дальнейших перипетиях этой «таинственной истории» я уже рассказал в предыдущем Сборнике. Там же, между прочим, я упомянул о встрече меня на вокзале в Берне Плехановым и Анной Марковной Макаревич-Кулешевой: ей в моих карийских тетрадах посвящено немало страниц. Здесь приведу оттуда об упомянутой встрече с нею в Берне.]

¹⁾ Псевдоним д-ра Судзиловского; Луцкий — бывш. морской офицер, народоволец; о нем см. в кн. «16 л. в Сибири».

²⁾ Революционная кличка Дебогория-Мокриевича.

IV.

А Н Я

С Аней я не виделся больше года: в последний раз она приезжала в Женеву весной в 1881 г., когда нас с нею однажды заперли вечером на о-ве Руссо ¹⁾. С тех пор до лета 1882 г. она прожила в Лугано, где родила девочку и с грудным ребенком на руках решила начать изучение медицины, что многие находили с ее стороны очень энергичным, но выражали сомнение, чтобы она довела это до конца. Со мною она давно хотела поскорее свидеться и очень обрадовалась моему приезду. Я вполне одобрил ее намерение изучать медицину еще когда она со мною об этом советовалась на о-ве Руссо, так как я надеялся, что обширные занятия вполне поглотят ее время и лишат ее возможности хандрить, не говоря уже о том, что в будущем диплом врача мог ей пригодиться как средство для самостоятельной и независимой жизни. Но при встрече в Берне я заметил, что мои надежды относительно целебного свойства медицины от хандры не вполне оправдались: по физиономии, по тону ее голоса и по отдельным фразам мне нетрудно было заключить, что душевное ее состояние попрежнему тяжелое, что ее сосет какой-то червь. Как я уже сообщил, мы с ней были в очень хороших отношениях, и она охотно изливалась мне в своих скорбях. Но теперь ей, видимо, тяжело было говорить о причине своей грусти, а я не старался навести ее на эту тему, инстинктивно даже почему-то не хотелось, чтобы она сама заговорила вполне откровенно. Объяснить этого ощущения я не мог тогда, но теперь,

¹⁾ Беседа в сумерках, сидя на скамейке, мы не расслышали звонка сторожа, предупреждавшего о закрытии калитки. Только после длинной процедуры, при содействии прохожих и полицейского, нам удалось с помощью лодки выбраться на берег; это дало повод репортерам создать небезынтересный «роман», появившийся затем на столбцах местных газет: молодые, мол, знатные два иностранца до того увлеклись беседой на поэтическом острове, что забыли про все на свете и т. д. Немало было по этому поводу толков, рассказов и шуток среди женеvцев. Между тем, помню, я с Аней обсуждал тогда самый прозаический вопрос, — поступить ли ей на медицинский факультет?

спустя много лет, я, кажется, отгадал причину ее тоски, и мне понятно тогдашнее мое отношение к ней. Могу без преувеличений сказать, что Аню я любил самым чистым братским чувством. Мне приятно было, что она отличается редкими и разнообразными способностями, я радовался ее успехам в занятиях, гордился, что у моей приятельницы блестящий, быстро все схватывающий ум, мне жалко бывало, когда я видел ее тоскующей и неудовлетворенной. Нравилась мне также ее изящная фигура, и я чувствовал себя легко и приятно в ее обществе. Она не отличалась особенно глубоким умом, но этот недочет вполне возмещался присутствием ей изумительной быстротой мысли и сообразительностью, — чертами, часто помогавшими ей по намеку, с полуслова отгадывать и схватывать твою мысль, понять твоё настроение или отдельное ощущение.

Кстати: странное у меня было отношение к ней. Во всех почти близких или просто нравившихся мне людях я всегда находил какой-нибудь недостаток, мысленно желал, чтобы в них не было того или другого свойства, или, наоборот, чтобы [они] имели то качество или черту характера, которая у них отсутствовала. Аня же мне нравилась такой, какова она была, и, конечно, не потому, что я не находил у нее недостатков или был чересчур к ней пристрастен. Думаю, что она сама и все ее близкие признали бы, что я отлично ее знал, и именно потому я и любил ее. Лучше, чем кому другому, мне была известна ее способность быстро увлекаться и, поддавшись минутному чувству, совершить легкомысленнейший поступок, который потом всю жизнь будет вызывать у нее угрызения совести. Но во мне эти черты ее не вызвали серьезного чувства недовольства ею. Никогда, поэтому, не являлось у меня желания изменить ее характер в этом отношении и не потому, чтобы я считал это невозможным или трудным и мирился с ее недостатками, а вернее оттого, что даже и эти ее недочеты мне в ней нравились. Таково было тогда мое отношение к Ане.

Виды ее грустное настроение, я объяснял его себе недовольством сложившейся жизнью. Человек с сильной страстью к широкой общественной деятельности, с большим политическим честолюбием, она, после продолжитель-

ного, успешного и доставившего ей значительную известность в Европе участия в социалистической деятельности, увидела, что, в сущности, ничего не может сама предпринять, что ее роль излишня, и она годна лишь в качестве дополнения к мужчине. Мириться с второстепенной деятельностью самолюбие ее не допускало, и вот, после многих лет громкой, но бесплодной деятельности, сопряженной с многократными сидениями во французских и особенно в итальянских тюрьмах, она оказалась вне всякой почвы: от России она давно оторвалась и считала себя чуждой ее и к западно-европейской деятельности не пристроилась. И вот, когда у других в ее возрасте жизнь окончательно уже определяется, устанавливается, Аня должна была только сызнова начинать, к тому же на другом поприще. Ко всему этому присоединялись, вероятно, и скорбь о неудавшейся в личном отношении жизни, довольно частая смена привязанностей и непрочность ни одной из них, а, может быть, также и угрызения совести за многое, и за что-нибудь в особенности, в довольно разнообразном и богатом впечатлениями прошлом ее. Я никогда не говорил с ней подробно обо всем вышеизложенном, но думаю, что я верно объясняю причины ее тоски в Берне, давшей Жоржу повод тогда же назвать ее «кающейся Магдалиной».

Как и всегда прежде, она, с поступлением в университет, проявляла неутомимую и интенсивную деятельность, употребляя мало времени на сон и отдых. Занятия ее, несмотря на возню с грудным ребенком, шли очень успешно. Знакомств она почти не вела никаких, сошлась только с одной старой и очень добродушной студенткой, некоей Боголюбской, принадлежавшей к тому типу женщин, вся жизнь которых проходит в хлопотах и заботах о семье близкого человека.

В своей девочке Аня души не чаяла и чуть не молилась на нее, почему Марфуша впоследствии и прозвала ее «Идоленком» (настоящее ее имя «Андрианна»; от Андрея (Коста) и Анны.) В материальных средствах она не нуждалась, — получала от отца столько, чтобы, посещая университет, жить без лишений с девочкой, требовавшей ухода нанятой женщины. Пога довольно об Ане.

3/283/4

КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
В. И. ЗАСУЛИЧ и Л. Г. ДЕЙЧА

—
ПОД РЕДАКЦИЕЙ Л. Г. ДЕЙЧА

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ
Л. И. АКСЕЛЬРОД, Р. М. БОГРАД-ПЛЕХАНОВОЙ
и Э. М. ЗИНОВЬЕВОЙ-ДЕЙЧ

—
СБОРНИК № 4

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

3/283/4

„ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ
ТРУДА»“

(ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА)

Под редакцией Л. Г. ДЕЙЧА

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ Л. И. АКСЕЛЬРОД,
Р. М. БОГРАД-ПЛЕХАНОВОЙ И Э. М. ЗИ-
НОВЬЕВОЙ-ДЕЙЧ

СБОРНИК № 4

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1926 * ЛЕНИНГРАД

ИЗ КАРИЙСКИХ ТЕТРАДЕЙ¹⁾

В ЭМИГРАЦИИ

(ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ Я. В. СТЕФАНОВИЧА В РОССИЮ)

I

Ты помнишь, как расстались мы с тобой в середине августа 1881 года на Лозаннском вокзале? Ты возвращался в Россию с намерением присоединиться к организации «Народная Воля», а я оставался за границей на довольно неопределенное время, так как никто из нас не знал, скоро ли удастся и мне вернуться на родину. Намерение вернуться у меня, помнишь, было, но сделать это вместе с тобой нельзя было, во-первых, потому, что ты возвращался, согласившись на обращенное к тебе прямое предложение со стороны народовольцев через Тихомирова²⁾, во-вторых, у нас и средств не было на обратный путь для двоих. Мы решили, поэтому, что, как только ты осмотришься, по приезде, найдешь присутствие мое в России бесполезным, наметишь для меня какое [нибудь] занятие, тогда пришлешь мне деньги и все необходимое [паспорт, адреса] для приезда. Хотя ни я, ни ты, кажется, не сомневались, что разлука наша лишь временная и что мы скоро свидимся в России, как это уже было в 1879 г., когда ты также раньше меня возвратился в Россию, но на этот раз особенно грустно было

¹⁾ См. Сборники №№ II и III. Как я уже сообщал, я писал эти заметки для Стефановича, будучи в Карийской каторжной тюрьме.

²⁾ Из этого, между прочим, явствует, насколько верно сообщение А. П. Корбы-Прибылевой, написавшей («Былое», № 25), будто «Стефанович первый предложил «Исп. Ком-у» свои услуги и предоставил себя в полное распоряжение последнего».

мне расставаться с тобой. Сердце ли чуяло, что нам уже не свидеться больше на воле, или неопределенность срока моего пребывания за границей, при сознании, что каждый день твоей жизни тогда в России несравним с неделями и даже с месяцами жизни в 1879 г. по шансам попасться и, следовательно, расстаться, как тогда казалось, навсегда? Не знаю...

Проводив глазами поезд, в котором ты уехал, я взял билет и вскоре возвратился в Женеву, где решил жить до отъезда в Россию.

Не буду рассказывать, что испытывал я, оставшись один.

В первые дни, по приезде в Женеву, я сперва, до приискания квартиры, поселился в пансионе старушки немки — хозяйки того, в котором, помнишь, жили Мишка с Росселем¹⁾ и другие знакомые. Денег, помнится, оставалось у меня немного, и определенных каких-нибудь видов на существование я не имел. Да вообще, на этот счет я не беспокоился, не задумывался об этом: по опыту жизни за границей в продолжение двух лет [в два периода: в 1878—1879 и 1880—1881] я знал, что не умру с голода, что как-нибудь буду изворачиваться, а там ты, может быть, устроившись в России, будешь присылать что-нибудь.

Но в первый же день мне удалось устроить следующую «финансовую операцию». Помнишь, затеяв издание за границей «Черного Передела» № 2, ты предложил Ив. Ив.²⁾ составить хронику русской жизни по газетам и журналам. Окончив ее, он прочел нам написанное, и мы с тобою нашли, что для газеты эта хроника чересчур велика, а сокращать ее было жалко, так как она вышла у него бойкой и интересной. Тогда мы надумали издать ее отдельной брошюрой, которую автор озаглавил «Началом конца». В этой, действительно, вскоре вышедшей в свет брошюре с народнической точки зрения массой собранных фактов из официальных источников доказывалось, что все говорит за сильное

¹⁾ «Мишка» — была кличка Вл. Дебогория-Мокриевича; Россель — псевдоним известного эмигранта, д-ра Судзиловского.

²⁾ Иваг Иванович Добровольский — старый эмигрант, привлекался по процессу 193-х; приговоренный на каторгу, он тем не менее был выпущен на волю под залог в 10.000 рубл. и после неутверждения царем ходатайства Сената бежал за границу; теперь живет близ Москвы.

возбуждение в народе в разных концах России, что экономические его бедствия дошли до крайних пределов, и, кажется, недостает лишь последней искры, которой должны явиться революционеры, чтобы разразилась в России революция. Хотя и живо написанная, брошюра эта не представляла ничего оригинального, она не давала [в сущности] ничего нового. К тому же выход ее совпал с делом 1-го марта, делом, поднявшим и до того стоявшие уже высоко фонды «народовольчества», террора, привлекшего к себе почти все революционные элементы. Брошюра прошла совсем незамеченной: все экземпляры ее лежали в типографии, в Россию, не помню, переслан ли был десяток их, а за границей книгопродавцы взяли, вероятно, не более этого на комиссию. Я вздумал разделаться с нею следующим образом.

Главным книгопродавцем, бравшим, вообще, наибольшее число экземпляров на комиссию, был старый эмигрант Эльпидин ¹⁾, который уже от себя рассылал другим книгопродавцам в некоторые большие города Западной Европы. Но ты помнишь, что Эльпидин, этот тип мелкого кулака-мироода, поселенного судьбою вместо русской деревни в цивилизованном городе, из книг, полученных им на комиссию, извлекал (как и из всего, что подвергывалось ему под руку) всю выгоду лишь для себя, — издателям подпольных произведений не удавалось от него ничего получать, так как он всегда уверял их, что книжки не проданы книгопродавцами, получившими их от него на комиссию, но как только, мол, получит от них, сейчас же разочтется с издателями. Этого «сейчас» тщетно, помнишь, приходилось ждать целые годы; многие собственники таких произведений, не дождавшись никакой выручки или получив какие-нибудь пустяки в несколько франков, возвращались в Россию (Морозов, Романенко), оставив в пользу одного Эльпидина все выгоды от издания. Я не хотел отдать ему «Начало конца» на «обыкновенных» условиях, а предложил ему купить у меня все издание по 25% выставленной на обертке цены

¹⁾ По делу студенческих беспорядков в Казани в 1861 г. Всеми правдами и неправдами Эльпидин добывал средства: захватил цюрихскую русской колонии библиотеку в свою частную собственность, сделавшись издателем газеты «Общее Дело», ничего не платил сотрудникам и кончил тем, что стал тайным полицейским агентом.

(в 2 фр.). На предложение это он согласился, но наличными всей суммы (кажется, в 250 фр.) он дать не захотел, а — с рассрочками, на таких, помнится, условиях: 50 фр. — сейчас, 100 фр. — спустя 3 месяца, а на остальные я мог набрать у него всякие революционные издания или через него выписать иностранные книги. Поторговавшись, конечно, предварительно, я согласился в конце концов, но настоял, чтобы наша сделка была изложена на бумаге по форме (по-французски) и чтобы на ней подписался свидетель, что и было в точности сделано. Когда, получив от него 50 фр., я возвратился домой и рассказал близким (Сергею, Марфе¹⁾ и др.) о заключенной мною сделке, все очень хвалили мою выдумку. Сам я также был ею очень доволен, так как кроме получения нескольких десятков франков, которые не были мне излишни, я убедился, что и впредь можно иметь дело с Эльпидиным, стоя лишь на той же коммерческой почве, на какой он стоял. К тому же и ему, видимо, понравился мой прием, так как, спустя некоторое время, он сам уже заявил мне, что хочет взять на наличные деньги все оставшиеся у меня экземпляры № 2 «Черного Передела». При этой операции, помнится, я уже ему не сделал никакой уступки или, быть может, незначительную, так как экземпляров оставалось очень немного, а он, видимо, сильно желал все приобрести. С этих пор, вплоть до моего отъезда из-за границы, я постоянно вел сношения с Эльпидиным по самым разнообразным делам, о чем при случае расскажу ниже, и почти всегда к обоюдной выгоде. Из полученных от него за «Начало конца» денег я часть отдал ее автору, — теперь не помню сколько.

Вечером того же дня приехали в Женеву Сергей с Фанни, Анкой и двоюродной сестрой Фанни, «рыженькой Верой»²⁾.

Сергей, как помнишь, провел то лето в Сен-Серге над Нионом в ожидании отъезда в Россию. Его также звали «народовольцы» еще весной, тотчас после 1-го марта. Он вполне тогда уже настроился, наэлектризовался, со дня на день

¹⁾ С. Кравчинскому, В. Ив. Засулич.

²⁾ Фанни Марковна Личкус, студентка, была женой Сергея Кравчинского; «Анкой» называлась Анна Михайловна Эпштейн, медичка, жена Дм. Алек. Клеменца; «рыженькой Верой» мы называли молоденькую родственницу Фанни за золотистый цвет ее волос.

ждал, что ему пришлют все нужное для отъезда, но не знаю уж почему, поездка его не состоялась. Помню, как он жаловался, что его измучили этими призывами и держанием наготове в продолжение нескольких месяцев, а в конце концов не то отказали, не то замолчали. Теперь он приехал в Женеву лишь на несколько дней, чтобы устроить некоторые свои дела, так как решил уехать на довольно долгое время в Италию, в Милан: там он надеялся заняться самостоятельным творчеством, — писать для русских легальных журналов статьи об итальянской литературе, между тем как до того единственным источником его средств к существованию были переводы беллетристических произведений. Кроме того, тогда же у него возникла мысль написать ряд очерков и биографий революционного характера. Ниже я коснусь того, насколько впоследствии он выполнил эти планы. Относительно возвращения в Россию он решил впредь не полагаться легкомысленно на одни лишь обещания, не настраиваться зря, а только тогда начать собираться, когда это будет несомненно выполнимо и когда окончат намеренные им себе в Италии цели.

Через несколько дней он, действительно, уехал в Милан, оставив, пока он устроится, Фанни в Женеве, так как средств у них не было на поездку вдвоем и на жизнь в первое время в новом месте. В виду особенной его нелегальности избранное им для поселения государство мы все решили держать в секрете от большой эмигрантской публики ¹⁾. Уезжая, Сергей просил, чтобы я сообщал ему обо всем сколько-нибудь интересном из твоих писем ко мне.

Тогда же уехал также из Женевы Россель [Судзиловский] в Париж, где он надеялся приискать какое-нибудь занятие, которое могло бы прокормить его с семьей. Если помнишь, он перед твоим отъездом условился с тобой, что раз получит от тебя деньги на дорогу, то поедет в Россию. Так же и Людвиг Варынский, по получении от тебя известий, собирался вернуться в Россию, с тем, чтобы примкнуть к Народной Воле; деньги же на его поездку обещал доста-

¹⁾ Известно, что Кравчинский убил ген. Мезенцова, поэтому, подобно Нечаеву, мог по требованию русского царя быть выданным континентальными зап.-европейскими странами в качестве уголовного.

вить Василий Николаевич (Игнатов). Таким образом, ты видишь, что с твоим отъездом в Россию и сообщением о вынесенном тобою впечатлении по поводу положения дел там связана была участь нескольких лиц, и писем твоих не я один, но и другие, менее тебе близкие, ожидали с нетерпением.

II

Ты не заставил нас долго дожидаться писем. Не говоря уже о частых и подробных сообщениях с пути, ты, вскоре по приезде в Москву, стал присылать хотя и короткие, но ежедневные уведомления о себе заранее условленным между нами способом ¹⁾. Эти ежедневные полочки доставляли мне невыразимое удовольствие. Из них, правда, я немного мог вынести об общем положении дел и о полученных тобою впечатлениях, но они служили ежедневно доказательством, что три — четыре дня [перед тем] ты был здоров и на воле. Изредка попадались в этих записках и важные для меня сообщения, уведомления. Так, помню, что в одной из них ты уведомлял, что принят агентом Исполнительного Комитета. Это сообщение меня, признаться, как бы оскорбило за тебя, так как я в душе ожидал, что ты немедленно, а не после некоторого искуса, займешь подобающее тебе место в самом Комитете ²⁾.

С первых же «ежедневных записок» почувствовался бодрый, приподнятый тон, уверенное и энергичное настроение твое, что передавалось немедленно и мне. Видно было, что положение дел в России произвело на тебя сильное впечатление, что ты многого ожидаешь в близком будущем от террористического направления, что людей, планов и серьезных дел ты нашел в России достаточно ³⁾. Одно, на что ты се-

¹⁾ На внутренней стороне бандероли «Московских Ведомостей» Стефанович писал химическими чернилами.

²⁾ Впоследствии, через четыре года я узнал от тебя, что так оно и было на самом деле, но ты из личных соображений относительно меня счел необходимым поконспирировать со мною, так как меня народovolьцы наметили сперва в агенты.

³⁾ Напоминаю, что это писано под свежим впечатлением, около 40 лет тому назад, — в чем каждый желающий может лично убедиться. Не правда ли, как сообщения Стефановича подтверждают клеветы некоторых старых народovolьцев, будто он присоединился к «Н. В.» с тем, чтобы «взорвать ее изнутри».

товал почти в каждом сообщении — это [по поводу] временного затруднения, [вызванного] массой предшествовавших погромов, в добывании денег на дела. Возвращение мое в Россию, поэтому, откладывалось на некоторое время. Кроме этих «ежедневных записок», хотя и редко, я получал от тебя и подробные, большие письма, в которых бывало много очень интересных сообщений как об общем положении, так и о твоих планах, намерениях и проч. В виду того важного значения, которое имело твое пребывание в России для многих оставшихся за границей товарищей, я сообщал содержание твоих писем как бывшим в Женеве, так и, в сокращениях, Кропоткину, Лаврову, Мокриевичу, Аксельроду, Хотинскому, Присецкому, Судзиловскому, Ивановскому, находившимся в разных городах Европы.

Передавшееся мне от тебя бодрое, полное хотя и неопределенных надежд, настроение я затем отчасти естественно, но отчасти умышленно старался передать и другим. Делясь с товарищами содержанием твоих писем, я сперва не преследовал никакой цели, но, мало-по-малу, в голове моей стали возникать все более и более определенные планы относительно заграничников, — о той пользе, какую можно получить для террористического движения в России от некоторых эмигрантов. Планы мои сперва ограничивались намерением вызвать у лучших, могущих быть кое-чем полезными для России, лиц благоприятное отношение к народо-вольцам. Поэтому, письменные и устные сообщения мои из твоих посылок я сопровождал некоторыми комментариями, наводил мысль других на возможность кое-чем оказывать помощь русскому движению из-за границы, напирал и подчеркивал особенно сильно на твои жалобы на безденежье, хотя я и не имел в виду какого-нибудь определенного плана раздобыть за границей средства для России. Смутно, правда, мелькала мысль, что вдруг кто-нибудь и откуда-нибудь да отзовется. Несколько более определенные надежды явились у меня только после следующего обстоятельства.

Больше года проживший во Франции Ив. Ник. Присецкий, который, помнишь, приехал из России, будучи ярым народником, после твоего отъезда поселился в Швейцарии. Он, как знаешь, был состоятельным человеком, к тому же,

в его воззрениях, как я вскоре узнал, произошло значительное изменение в сторону признания необходимости политической борьбы, хотя и не вполне в духе народовольчества ¹⁾. Пожив некоторое время в Женеве, где я с ним виделся, но не говорил ни о чем существенном, деловом, он отправился в Кларан, чтобы повидаться с жившими в Божии Розой Марковной [Плехановой] и Теофилией [Поляк], с которыми он был в приятельских отношениях. Зная о последнем, я в одном из писем к Розе ²⁾ особенно энергично напирал на приведенные мною выдержки из твоих писем, в которых ты жаловался на задержки, причиняемые отсутствием средств. Я не просил ее прочитать мое письмо Ив. Ник. и, вообще, ничего не предлагал ей, но в душе я питал надежду, что она сама догадается извлечь конкретную пользу из моего письма.

И, действительно, спустя несколько дней, на эмигрантском собрании подходит ко мне только что вернувшийся из Кларана Ив. Ник. и заявляет, что имеет переговорить со мною о чем-то и предлагает на другой день прийти ко мне в условленное время.

Нетрудно было догадаться, какова была цель его свидания со мною. С первых же слов он, помнится, прямо заявил, что, узнав из моего письма к Розе о денежных затруднениях в России, он готов, насколько может, помочь в этом отношении и просит меня познакомить его с положением дел народовольцев. Я, конечно, охотно это сделал, снабдив свое изложение ссылками на выдержки из твоих писем. Он, в свою очередь, сообщил мне, каковы материальные его условия. Оказалось, что немедленно он не располагает никакой суммой, но что через некоторое время он собирается в Сербию, куда выпишет отца своего на свидание с собою и попросит его привезти с собою деньги, тогда пришлет мне тысячу рублей. Зная его за человека серьезного, не дающего зря обещаний, я, конечно, считал эти деньги обеспеченными, о чем тебе тогда же сообщил.

¹⁾ С примесью украинского федерализма в духе Драгоманова, с которым он, как и Дебогорий-Мокриевич, очень сблизился.

²⁾ Жорж оставался в Мюльере (близ Парижа), откуда не мог долго выбраться, вследствие невозможности расплатиться со всевозможными мелкими кредиторами — лавочниками, молочницей и т. д.

После этого свидания мы часто с ним видались и много говорили о программе народовольцев, о революционных делах в России; главным образом, он расходился с террористами во взглядах на «украины», то-есть ему не нравилось в них то, что они говорят о «всероссийском» земском соборе, не упоминают Украины. Последнее было на него навечно Драгомановым, влиянию которого, по приезде из Франции, он, кажется, сильно поддался. Желая расположить его к народовольчеству и имея в виду, что с приобретением такого члена много выиграет действующая революционная партия, я всячески старался примирить его с теми сторонами программы [последней], которые ему не нравились. Он, ты знаешь, умный и довольно развитой человек, но с большим самолюбием и, главное, упрямством. Переубедить, поэтому, его довольно трудно, если не сказать вполне невозможно. Тем не менее, в конце концов, он заявил мне, что, по приезде в Россию, куда он собирался весной следующего года, будет материально и, вообще, практически помогать Народной Воле, но сам не примкнет к ней, раз она не внесет в свою программу признания автономии Украины в будущем. Все же я не терял надежды, что с приездом в Россию он, волей-неволей, присоединится к народовольцам, так как не найдет других групп, с которыми он смог бы действовать в духе своих воззрений, тем более что он, еще будучи за границей, вполне сочувственно и одобрительно относился к политической, вернее — к террористической деятельности народовольцев.

Спустя некоторое время, он, действительно, уехал в Сербию, откуда часто переписывался со мною. Я старался поддерживать в нем интерес к русским революционным делам, для чего приводил в своих письмах выдержки из твоих, пересылал получавшиеся от тебя подпольные издания и т. п. Впоследствии, как знаешь, он, действительно, прислал мне тысячу рублей, которые я тогда же, помнится, переслал тебе ¹⁾.

Вскоре после его отъезда представился план получения денег в значительно более грандиозных размерах. Как-то

¹⁾ См. помещаемое ниже мое к Ст—чу письмо от того отдаленного времени.

раз Мишка ¹⁾, который после твоего отъезда тоже стал сходиться с Драгомановым на симпатиях к Украине, пришел ко мне со следующим сообщением. Какой-то важный старый польский эмигрант, живущий в Италии, обратился к Драгоманову через общего знакомого с вопросом, может ли он передать непосредственно Исполнительному Комитету план добыть из какого-то польского банка деньги на русские революционные дела каким-то нелегальным способом, при чем Исполнительный Комитет напечатает, что дело это им, Комитетом, совершено? Подробности этого плана «старый эмигрант» соглашался передать только устно лицу вполне надежному и имеющему непосредственные сношения с Комитетом. Насколько был серьезен этот денежный проект, можно было видеть отчасти из того, что, по словам Мишки, Драгоманов не только проявил полное доверие к этому плану, но даже выразил готовность дать Мокриевичу деньги на поездку в Италию для переговоров с этим старым эмигрантом. Я, собственно, несколько скептически отнесся к этому плану, зная из прошлого, что сто-и более тысячные проекты, в конце-концов, оказывались лишь мыльными пузырями, почему я всегда более предпочитал «свищу в руках — журавлю в небесах». Тем не менее, хотя я высказал свой скептицизм Мишке, но не считал возможным ни отговаривать его от поездки, ни не исполнить предлагаемого условия, т.-е. «довести до сведения Исполнительного Комитета», что я в ближайшем письме и сделал. Еще до получения твоего ответа Мишка, действительно, снабженный Драгомановым деньгами на дорогу, поехал в Италию для переговоров. Спустя, кажется, неделю, он вернулся и рассказал значительно охладевшим тоном, что план, помнится, состоял в следующем: в каком-то польском банке имелся у того старого эмигранта знакомый поляк-демократ, который мог помочь Исполнительному Комитету своими указаниями захватить деньги из банка, но так, чтобы этот служащий остался вполне незаподозренным, а «Комитет» должен был напечатать, что это дело совершено им. Указать место банка и то лицо старый эмигрант соглашался, лишь уверившись, что Мишка, действительно, уполномочен «Комитетом» для

¹⁾ Т.-е. Дебогорай-Мокриевич.

ведения переговоров; для этого он предложил, чтобы в ближайшем № «Народной Воли» в ответах редакции была напечатана произнесенная им фраза. Сам Мишка уже скептически относился к этому плану и допускал, что, вероятно, зря издержал 150 — 200 франков на поездку в Италию. Деньги эти, оказалось, Драгоманов дал лишь заимообразно с тем, что, во всяком случае, Иван Николаевич возвратит их ему по получении от отца. Хотя я уже почти окончательно потерял веру в этот план, но все же написал тебе об условиях, — о напечатании приведенной фразы в «Народной Воле» и о присылке Мишке уполномочия от «Комитета» на ведение дальнейших переговоров с польским эмигрантом. Впоследствии, уже незадолго до твоего ареста, «Исполнительным Комитетом» все условия были приняты и исполнены, но слух об этом эмигранте и его «обширном денежном плане» совершенно замолк.

Этот эпизод может отчасти служить некоторой иллюстрацией того, что даже лица, еще недавно относившиеся недружелюбно к «Народной Воле», как Драгоманов, а также Мишка, после твоего отъезда стали проявлять готовность оказывать террористическому направлению существенную помощь.

Каждое получавшееся мною от тебя русское революционное издание, с моего согласия, перепечатывалось эмигрантами и широко распространялось в публике. Вообще, заметно было изменение отношений эмиграции к народовольчеству, что обуславливалось многими причинами. Не говоря уже о том, что еще при тебе почти замолкли слухи о каких-нибудь других действующих в России кружках и направлениях, уже тот факт, что ты пристал к «Народной Воле», и бывшая очевидной также наша склонность присоединиться не могли не влиять примирительным, располагающим образом на всю публику. Не было и тени прежнего не то недружелюбного, не то безразличного отношения эмиграции к народовольчеству, — наоборот, у меня, по крайней мере, была полная уверенность, что, несмотря на некоторые принципиальные разногласия у старых эмигрантов [Жуковского, Эльсница и др.] с террористами, можно каждого из них привлечь к любому практическому делу, плану, раз таковой явился бы. Но, не говоря уже о том,

что конкретно, в первое, по крайней мере, время, у меня не было никакого плана для привлечения эмиграции в целом или хотя бы отдельных из нее лиц к практическому содействию, — нам самим, старым чернопередельцам, необходимо было выяснить свое отношение к «Народной Воле» и определить более или менее пункты нашего согласия и расхождения с нею.

Ты помнишь, что мы, т.-е. я, Марфа, Жорж, Павел, Вас. Ник. и отчасти Мишка, Россель, Александр Хотинский, Сергей и Лавров, хотя и не составляли какого-нибудь организованного, сплоченного кружка, все же, в силу старого приятельства и теоретического в большей или меньшей степени согласия, являлись чем-то цельным, единым. Уезжая в Россию, каждый из нас не был связан какими-нибудь формальными обязательствами по отношению к оставшимся, но, будучи за границей, странно, неловко, да и невозможно было бы действовать, не спевшись, выступать не солидарно с другими. Лично я, начав еще при тебе придавать первенствующее значение политической борьбе народовольцев, понимая под ней стремление добиться всевозможными способами политической свободы, мирился с некоторыми, хотя и довольно существенными в теоретическом отношении, разногласиями с террористами. Правда, некоторые их выходы, — например, прокламация на украинском языке по поводу анти-еврейских беспорядков на юге России, призывавшая к избиению евреев, — сильно меня коробили, раздражали и огорчали, но я надеялся, что с нашим к ним присоединением естественно изменится несколько их отчасти ошибочное, по моему мнению, отчасти просто непрактичное отношение к некоторым вопросам и обстоятельствам. Я был самым искренним и готовым на многие даже существенные уступки кандидатом в народовольцы, к тому же, как я выше упоминал, зараженным от тебя жаждой делать, и делать как можно больше, на пользу народовольчества, пока я за границей. Мне хотелось, прежде чем я отправлюсь в Россию, если можно так выразиться, все вытянуть, извлечь из-за границы, оставить что-нибудь существенное там, хотя конкретно оно мне и самому тогда еще не представлялось. Но я чувствовал и знал, что необходимо, во всяком случае,

сперва подготовить почву, расположить публику к народо-вольчеству, что я всячески и старался делать ¹⁾).

III

В Женеве, как я уже упомянул, после отъезда Сергея и Росселя, остались в начале осени, кроме меня и Марфы, только Фанни с Анкой и Мишка. С последним мы часто видались, с первыми реже. Скоро и Фанни уехала к Сергею в Италию, Анка жила далеко, в Овиве, мы трое — в Паки. Главный интерес нашей, по крайней мере, моей жизни был сосредоточен на твоих письмах, — на заключающихся в них сообщениях, поручениях и пр. Каждый почти вечер мы собирались вместе на квартире Марфы: я приносил полученное от тебя «ежедневное» письмецо ²⁾ и русскую газету, приходившую, как знаешь, с четырехчасовым поездом; пили чай, читали газету, заводили разговор на теоретическую или практическую тему.

Часто приходил кто-нибудь из поляков: Дикштейн, Людвиг Варынский, Пекарский, а то и все трое. Разговоры, конечно, вертелись около тебя, твоих сообщений, полученных от тебя изданий и пр. Днем у каждого из нас была своя работа, занятие. Я у себя в уютной, тихой, хорошенькой квартирке [очень красивой комнате с большим альковом] по утрам читал, если не был занят письмами и поручениями, Марфа имела денежную работу — перевод какой-то французской книжки, Мишка занимался французским языком, собираясь переселиться в Париж. С публикой мы встречались редко, — жили мы, как всегда за границей, своим тесным кружком. Рефератных собраний в ту осень не бывало. Лишь несколько раз состоялись эмигрантские собрания по следующему поводу.

К Драгоманову, который, как знаешь, порвал всякие сношения с публикой, приехал с рекомендацией из Парижа

¹⁾ Не правда ли, как все это подтверждает «заключенный мною со Стефановичем заговор», в котором нас обвиняют А. П. Прибылева и др.?

²⁾ То-есть, повторяю, газету с бандеролью, сорвав которую, смазывал внутреннюю ее сторону известным химическим составом, благодаря чему выступали фразы.

от Пекульского¹⁾ один молодой человек, по фамилии Франк, попросивший свести его с Сергеем, к которому, мол, имел важное дело. Драгоманов заявил ему, что Сергея нет в Женеве, но если он желает, то может написать ему письмо и принести ему, Драгоманову, а он отошлет его Сергею. Франк же настаивал крайне неудачно, чтобы Драгоманов ему сообщил непосредственный адрес Сергея. Несмотря на рекомендацию Пекульского, это возбудило у Драгоманова подозрение против Франка. Вскоре разнеслось среди эмиграции, что приехавший юноша, имевший рекомендации и к другим лицам (все от того же Пекульского), — шпион, разыскивающий нелегального Сергея. Некоторые, кажется, кн. Черкезов, Гутерман²⁾ и еще кто-то задались целью изобличить этого шпиона, для чего стали с ним выпивать, желая выведать от него какие-нибудь существенные доказательства. Раз даже, ночуя вместе с ним на одной квартире, они обыскали его одежду, думая таким образом напасть на след, но, конечно, они ничего не нашли, а один из собутыльников (кажется Кузька)³⁾ на второй день сам же передал Франку, кто его обыскивал. Он стал перед ними разыгрывать роль «оскорбленной невинности», упрекал их, на каком основании они его, человека честного, заподозривают в подлости, и потребовал открытого суда над собой эмиграции, заявляя, что он докажет свою политическую непорочность. Те охотно ухватились за это предложение, обещав изложить перед собранием имеющиеся у них для подозрения Франка данные, а также публично извиниться, в случае, если его доводы и опровержения будут приняты большинством. По этому поводу назначалось несколько собраний, на которые Черкезов должен был привести Франка, но каждый раз собрание расходилось, не дождавшись последнего, который под разными предлогами откладывал свой приход и, наконец, тайно совсем исчез из Женевы. Тогда собрание постановило опубликовать в заграничных русских изданиях [«Общем Деле» и «Вольном Слове»] предостережение, в котором сообщалось, что субъект с такими-то при-

¹⁾ Пекульский — эмигрант, считавшийся безупречным.

²⁾ Черкезов, Гутерман — довольно известные эмигранты.

³⁾ Кузька — псевдоним старого эмигранта-наборщика из Драгомановцев, украинца Ляхоцкого.

метами, старающийся втереться в среду эмиграции, — шпион. Но этот эпизод повлек за собою довольно крупное столкновение между Драгомановым и всей эмиграцией, о чем расскажу в соответствующем месте, а теперь скажу несколько слов о новом заграничном органе «Вольное Слово».

IV

В последние дни твоего, помнишь, пребывания в Кларане мы впервые узнали, что в Женеве затевается на солидных основаниях новый орган неким Мальчинским, специально для этого приехавшим за границу и имевшим рекомендации к Лаврову и Драгоманову. Направление органа предполагалось умеренное, либерально-конституционное; с материальной стороны он обставлялся как почти ни один, за исключением старого «Колокола» Герцена. Он должен был выходить раз в неделю, в очень большом формате, сотрудникам положена была сразу небывалая по своей значительности плата, вводились постоянные отделы: политический, о рабочем движении на западе и прочее. Последний отдел — хронику рабочего движения — согласился вести П. Аксельрод, в качестве постоянного сотрудника, с довольно большой ежемесячной платой, кажется, в 250 франков (около 95 р.). Чтобы с большим удобством следить за этим движением он — еще при тебе — переехал в Цюрих, куда выписал из России и семью свою. Драгоманов принял самое деятельное участие в этом органе: кроме передовых статей и разных заметок он стал печатать длинный ряд очерков под заглавием «Историческая Польша и великорусская демократия», впоследствии вышедших отдельным изданием и составивших довольно большую книжку. В этих очерках (более яркие я тогда же тебе пересылал) он эксплуатировал своего излюбленного конька: всевозможные обиды и несправедливости, которые наносили Украине, наравне с правительством, будто бы также и польско-русские революционеры. В общем орган велся довольно прилично и чисто. В нем прямо заявлялось, что редакция не только не разделяет воззрений «Народной Воли», но считает их вредными, не ведущими к цели и ставит своей задачей бороться с ними путем печати; наоборот, к таким направлениям, какого придерживались

социалисты начала 70-х годов, орган относится вполне сочувственно и готов во многом идти с ними рука-об-руку. По отношению к внутренним делам России этот орган выражался осторожно, не вполне определенно; можно было только косвенно вывести, что он с чем-то не согласен и чего-то желает. Все же как с внешней, так и с внутренней стороны он производил хотя и неопределенное, но не неблагоприятное впечатление. Иногда там попадались очень интересные корреспонденции как из России, так особенно из балканских государств, встречались и обще-теоретические статьи на социалистические темы и прочее. Отдел «Хроника рабочего движения» П. Б. Аксельрод вел очень дельно, занимательно, а однажды он поместил также и полемическую статью в ответ на неподписанную статью «О социализме», в которой автор (Присецкий) опровергал положение Интернационала, что «освобождение народа должно быть делом самого народа», доказывая, что оно всегда было делом немногих — для народа. Опровержение Аксельрода было написано сдержанно и убедительно. Редакция в этом случае держала себя очень прилично и объективно. Словом, казалось, ни к чему нельзя было придаться по отношению к этому органу.

Но после первых же его номеров «Общее Дело», издававшееся Эльпидиным, Христофоровым, — старыми эмигрантами по Казанскому делу 1861 г. — и другими лицами — д-ром Якоби, Алисовым ¹⁾ и Зайцевым ²⁾, — задало по адресу «Вольного Слова» такого рода вопрос: «а какого мнения «Вольное Слово» о министерстве Игнатьева? Кто-то, мол, определил кого-то [теперь не помню, кто и кого] одной фразой: «c'est une canaille» [это каналья]. Поэтому и «Вольному Слову» предлагалось хоть одной фразой определить свое отношение к тогдашнему министру, гр. Игнатьеву. На этот ехидный вопрос «Вольное Слово» ответило довольно уклончиво, заявив, что, мол, новое министерство вовсе не такое простое, несложное явление, которое можно было бы определить одной фразой, и прочее в этом же роде. Все знакомые, с которыми мне приходилось тогда говорить

¹⁾ Бывший русский довольно богатый помещик, эмигрировавший в начале 80-х годов за границу, где стал печатать огромное число памфлетов.

²⁾ Зайцев — известный соратник Д. Писарева в «Русском Слове» 60-х годов.

об этой полемике между «Общим Делом» и «Вольным Словом», вынесли впечатление, что «Общее Дело» хотело набросить тень на «Вольное Слово», будто оно на жалованьи у Игнатьева ¹⁾, и мотивом к тому с его стороны была боязнь нового и сильного конкурента на почве распространения конституционных идей. Это была первая стрела, пущенная в новый орган, далеко еще не определившийся и очень загадочного происхождения. Но эмигрантская публика отнеслась вполне объективно, скорее склоняясь в сторону «Вольного Слова» и допуская, что «Общее Дело» руководилось в данном намеке нечистыми, торгашескими побуждениями.

Хотя, относительно, как видишь, в эмиграции после твоего отъезда явилось несколько большее возбуждение и интерес, чем это было при тебе, тем не менее, в общем, она так же праздно и бесцельно проводила время, живя изо дня в день как и прежде. Совсем иначе, как я уже напоминал выше, чувствовал себя я в то время. Прежде всего мне хотелось привлечь к народовольческому движению близких: Марфушу нетрудно и незачем было располагать к этому направлению, так как она сама чувствовала и угадывала наперед то, что во мне происходило, разделяла пункты моего схождения и несогласия с «народовольцами», сама дополняла и развивала далее то, что я высказывал лишь как предположение или что мне самому даже еще неясно представлялось. Она также целиком готова была оказывать всяческое содействие «Народной Воле», но не могла придумать, каким способом. Спустя короткое время, она, действительно, как знаешь, всей душой отдалась делу заграничного «Красного Креста Народной Воли», о чем, впрочем, ниже расскажу подробнее. На Мишку можно было также рассчитывать, что, хотя и не особенно энергично, он все же кое-что будет делать при определенном плане, затее. То же приблизительно можно было предполагать и относительно других близких: Павла, Василия Николаевича [Игнатьева] Жоржа, Лаврова, Кропоткина, Мокриевича и др., не говоря уже о Кравчинском, Похельсоне и прочих находившихся в эмиграции настоящих народовольцах. Особенно, конечно, важно и ценно было привлечь Плеханова в число доброжелателей «Народной Воли».

¹⁾ Министр внутренних дел.

V

Розе ¹⁾ удалось, спустя несколько месяцев, достать необходимую сумму (кажется, у Ивана Николаевича (Присецкого), чтобы высвободить Жоржа из Мельера ²⁾, где жизнь его с наступлением осени становилась день-ото-дня невозможнее. Пробыв недолго в Кларане, он приехал повидаться с нами. Я и теперь живо помню, как мы с ним встретились после годичной разлуки. Он всегда, как я чувствовал, относился ко мне с симпатией и на этот раз встретил меня с той же веселой, добродушной улыбкой, как и раньше.

— «Ну, что нового?» — спросил он, после обмена приветствиями, когда мы вечером собрались у Марффуши, где был и Мишка. — «Вы, кажется, записались в народо-вольцы?» — продолжал он добродушно. — «Да, записался», — ответил я довольно сухим, серьезным тоном. И у нас тотчас же завязался спор, быстро принявший резкий, задорный тон со взаимным обменом колкостями, при чем победа, конечно, осталась за ним. Я не припомню теперь, что я отстаивал, и как он опровергал. В общем, помню только, что он не придавал никакого значения террористическим удачам народо-вольцев. «Еще одного Александра убьют, еще двух — трех генералов, и на этом закончат они свое существование», — говорил он. Я с этим, конечно, не соглашался, доказывая, что они добьются политических реформ ³⁾.

Раз у собеседников завязывается резкий спор, то такого рода обмен мыслями никогда не приводит к выяснению воззрений друг друга. Особенно это немислимо было в таких случаях с Жоржем: он из любви к спору, из привычки побеждать противника наговаривал многое, что могло только

¹⁾ Розалии Марковне.

²⁾ Деревушка вблизи Парижа, где поселились Плехановы весной 1881 г. и где он оставался после их выезда оттуда в Швейцарию в конце лета.

³⁾ По поводу этого-то резкого спора со мною и отчасти с Верой Ивановной Плеханов писал Лаврову, что «настроение женевских товарищей не особенно радует: оно может быть сформулировано словами — соединимся во что бы то ни стало, хотя и поторгумся сколько возможно». (См. в моей брошюре о нем восьмое письмо от 31 октября 1881 г.)

разжечь, раздражить, а ничуть не вызвать охоту поделиться действительными своими воззрениями.

Из этого спора я, как и он, вынес только неприятный, тяжелый осадок и чувствовал, что нам не сговориться. Это меня сильно раздражало и огорчало в течение нескольких дней, хотя мы с ним встречались у Марфы, но чувствовали, что между нами стало нечто очень неприятное. Мы довольно холодно здоровались, и если обменивались отдельными фразами, то в том же неприязненном, задорном тоне. Таким образом, с каждым днем отношения наши обострялись и могли кончиться лишь полным разрывом.

Как я уже упомянул, Марфа принимала очень слабое участие в наших спорах, подавая небольшие реплики, указывавшие на ее со мною согласие. Мишка же, наоборот, скорее поддерживал Жоржа. Они, раньше никогда не встречавшиеся, как-то быстро сошлись: Жорж ночевал у него, и так как оба они любят поговорить, то беседовали далеко за полночь, рассказывая друг другу всякие происшествия из прошлого и пересыпая рассказы остротами, каламбурами. Мишка особенно живо передавал свои скитания по Сибири после побега из Иркутска; Жоржу очень нравилась его манера передавать в лицах всякие случаи и приключения. Оба были, видимо, очень довольны, и нам с Марфушей они не могли достаточно нахвалить один другого: остроумный, веселый и симпатичный человек», — говорил то тот, то другой о своем новом собеседнике, оставаясь с нами наедине.

А у меня, как говорится, кошки скребли на душе из-за размолвки с Жоржем. Не радовало меня и его сближение с Мокриевичем, хотя в другое время я, вероятно, был бы этим доволен. Не могла не огорчать меня перспектива приобрести в Жорже, вместо доброжелателя народовольцев, врага их. А ты знаешь, как опасен он, раз считает себя принципиальным врагом отдельного ли лица или целой группы. К тому же, как раз в эти дни, ты в одной из своих «ежедневных записок», в ответ на полученные тобою от меня выдержки из статей Драгоманова в «Вольном Слове», предлагал, чтобы Жорж написал для «Народной Воли» критическую заметку о последнем. Но как было обратиться к нему с разговором, об этом при возникших между нами не то

холодных, не то даже враждебных отношениях? Марффушу и Мишку тоже огорчала моя с Жоржем размолвка. Оба они настаивали, чтобы я с ним примирился, так как и я был неправ в споре, потому что слишком горячился и сам говорил резко. Не помню, сознавал ли я это в душе, но знаю, что без внешних, благоприятных условий, мне трудно было бы первому заговорить добрым, товарищеским тоном.

Случилось, что мы целой компанией отправились в театр на «Риголетто». Эта опера очень нравилась Жоржу, и с тех пор, как я с ним познакомился (в 1876 г.), он любил напевать из нее один и тот же куплет: «Милые женщины, как вы изменчивы»... Возвращаясь из театра, я предложил ему пойти ко мне почевать, на что он, видимо, охотно согласился. Я первый заговорил в добром примирительном тоне, но что именно, конечно, теперь не помню. Кажется я указывал ему на необходимость и даже обязанность нашу, несмотря ни на какие крупные разногласия, стараться, по мере возможности, поддерживать народовольцев, ввиду того значения, какое их деятельность имеет, быть может, помимо их воли, на общий ход развития политических идей в России. Не знаю, согласился ли он в душе с какими-нибудь из моих доводов или только мой искренний, дружеский тон на него действовал, только он, кажется, по существу ничего не возразил. В таких, ведь, случаях не смысл фраз, а тон, которым они произносятся, действует примирительно, если между повздорившими людьми существует взаимная симпатия, если в душе они дорожат взаимной близостью. Спустя несколько минут, помню, мы говорили уже старым, веселым и добродушным тоном; я запросто излагал ему свои воззрения, намерения, прямо предлагал ему также стать в дружеские отношения к народовольцам и тут же сообщил ему о твоём предложении, чтобы он написал критическую статейку для «Народной Воли» в ответ на задиранья Драгоманова. Хотя наружно он как бы колебался — соглашаться ли на мое предложение, но, думаю, оно в душе должно было ему понравиться. Его смущала форма, какую должен был он придать этой статейке: писать от своего имени в качестве постороннего лица казалось ему неудобным, от имени же редакции — он не был уверен, поправится ли это народовольцам. В конце концов он все же

согласился и обещал по возвращении в Кларан попытаться написать эту статью.

Я не помню теперь, насколько определенно сложились тогда его новые воззрения относительно политической деятельности в России. Ты знаешь, что раньше он был ярым народником, принципиальным противником политической борьбы, вообще, и терроризма — в частности. В описываемую мною пору (т.-е. осенью 1881 г.) он, наоборот, придавал уже громадное значение политической борьбе, но исходною точкою для нее была не вера в особенности русского народа и в лучшую часть интеллигенции, как у народовольцев, а — марксизм. Он и раньше был ярим приверженцем Маркса и умел подкреплять им свои народнические воззрения. Теперь же, по приезде из Парижа, он, видимо, значительно прогрессировал; за этот год он успел массу перечитать и передумать и стал еще более ярим марксистом.

Марфуша и я за это время также ближе познакомились с воззрениями Маркса и Энгельса, и хотя мы не являлись еще вполне последовательными их приверженцами, все же мы уже придавали громадное значение их теориям. Совсем не то было с Мишкой. По старой привычке «разрушать авторитеты» и по традиции относиться скандачка к «книжкам», он, еще до приезда Жоржа, часто брался опровергать Маркса, доказывая, что «к нам его теории не применимы». В начале споров на эту тему, благодаря его смелости обо всем говорить уверенным тоном, с апломбом, нам, действительно, казалось, что он, хоть поверхностно, все же прочитал, как он говорил, «Капитал», но помню, раз, на прямо поставленный мною вопрос: — «Да прочитал ли ты всю книгу?» — он сознался, что не мог дочитать до конца, а лишь 150—200 страниц, т.-е. общую теорию ценности, денег и тому подобные научные положения, имеющие одинаковое значение как для западно-европейских стран, так и для Персии, Китая и т. д. Это мы ему раз'яснили, выразивши при этом удивление, как он умудрился из прочитанных им общих научно-экономических глав вывести заключение о применимости или неприменимости историко-философских воззрений Маркса к России. Но он несколько не смутился и хотя не с такой уверенностью, все же не с меньшим упорством продолжал

отрицать Маркса. Самым веским опровержением «исторических фаз» Маркса был для него пример Китая: «вот мы видим, что Китай — столько тысячелетий живет, а все же не имеет капитализма», — указывал он нам и полякам. И на все наши объяснения этого факта находил всегда какой-нибудь выверт. Тот же маневр пустил он в ход, когда с Жоржем завел спор против Маркса. — «Мишка, пора тебе пустить в ход Китай», — замечаю я. — «Да, да», — говорит он, — вот, например, Китай». Но и этот избитый его пример, который, как самое непреодолимое орудие, он припасал напоследок, в споре с Жоржем не имел успеха: Мишка, считавший себя знатоком Китая (потому что странствовал по Сибири!), должен был сдаться и на этой позиции, так как Жорж сыпал такой массой сведений о Китае, указывая на источники, так ясно и убедительно объяснил отсталость этой страны, что нельзя было не признать его доводов убедительными. Нет, марксистом он, конечно, все же не сделался и, вероятно, и теперь в спорах — в отсутствие Жоржа — обезоруживает новичка стереотипным восклицанием: «А Китай?» ¹⁾

Были еще вопросы, по поводу которых между Мишкой и Жоржем не могло состояться соглашения. Последний и раньше был сторонником централизма, как по отношению революционных организаций, так и во взгляде на будущую Россию. Мишка же, старый бунтарь-анархист, был ярким противником централизма. Но самым непримиримым пунктом в спорах являлось их различное отношение к Украине. Мишка, отчасти под влиянием Драгоманова, стал сторонником ее (полной) автономии, Жорж же никаких автономий не мог терпеть. Эти несогласия несколько повлияли на охлаждение первого, очень симпатичного впечатления, произведенного Мишкой на Жоржа. Под конец своего пребывания в Женеве последний говорил уже: «нет, он неисправимый, старый бунтарь!» Между нами, наоборот, после состоявшегося примирения, молча, без особого соглашения, установились единство, взаимное понимание и готовность заодно действовать в интересах «Народной Воли». Не говоря уже

¹⁾ Из приводимого ниже письма его к В. И. Засулич видно, что, живя на Балканском полуострове, он обогатился новыми примерами.

о том, что он обещал писать статьи для народовольческой рабочей организации, он и в сношениях с посторонними не отказывался выступать в качестве доброжелателя террористов. Это его расположение несколько дней спустя проявилось в переговорах с поляками ¹⁾.

К сожалению, не помню теперь, каким образом и по чьей инициативе поляки предложили нам сообща с ними обсудить вопрос об отношении их к «Народной Воле». Вероятно, и на них повлияло общее настроение, начавшее распространяться по отношению к «Народной Воле». Ты помнишь, что они всегда являлись как бы нашими союзниками, в вопросах как обще-социалистических, так и в случавшихся за границей практических обстоятельствах. Они заодно с нами выступали в полемической борьбе с Драгомановым, вместе вырабатывали адреса на социалистические конгрессы, мы выражали им свою солидарность в их торжественном праздновании 50-летнего юбилея польской революции 31-го года и т. п. Почти с первого года их приезда за границу (в 1878 г.) и основания ими польского журнала «Równosc» они, хотя и не вполне определенно и выдержанно, все же придерживались основных воззрений Маркса и в своей практической деятельности в Царстве Польском вели пропаганду среди рабочих в западно-европейском духе, поскольку, конечно, это было возможно при русских политических условиях. Правда, вначале они были под сильным влиянием определенно-анархических воззрений Жуковского ²⁾, но это не мешало им относиться с большим уважением к теориям Маркса и, вообще, к немецким социал-демократам. Последнее обстоятельство явилось даже поводом к некоторому расколу в их среде. Летом 1881 г. анархисты затеяли конгресс, кажется, в Лондоне, и вот Варынский и Дикштейн, бывшие в это время (единственными членами редакции) в Швейцарии, от имени редакции «Równosci» послали приветствие на этот конгресс. Между тем Мендельсон в это время был в Германии и затевал сообща

¹⁾ Группа «Równosci» («Равенства»), в которую входили: Л. Варынский, С. Дикштейн, К. Длуский, Мендельсон, Пекарский, Яблоновская и другие.

²⁾ Известный старый эмигрант 60-х годов, друг Бакунина.

с [тамошними] социал-демократами практические предприятия, о которых, вероятно, упомяну ниже. Увидев, что на социал-демократов, вследствие их враждебных отношений к Мосту ¹⁾ и, вообще, к анархистам, произвело дурное впечатление напечатанное в отчетах конгресса приветствие от редакции «Równosci», к которой принадлежал и Мендельсон, он, насколько помню, печатно в «Social-Demokrat» отрекся от солидарности с приветственным адресом, посланным от имени поляков-редакторов «Równosci» и, кажется, тут же заявил о прекращении этого журнала. Не знаю, как других поляков, но помню, что Людвиг Варынского страшно разозлило такое самовольное заявление Мендельсона о прекращении совместно с другими редактируемого журнала, к тому же из-за такого незначительного повода. Ему, кажется, тем обиднее показалось это заявление, что [журнал] «Równosc», главным образом, издавался на средства Мендельсона и Марии Яблоновской — близкой приятельницы последнего. Уже раньше, вероятно, прорывавшееся отношение Мендельсона к журналу, как к своей собственности, теперь рельефно выступило наружу: «не понравился, мол, мне частный факт, я и прекращаю издание». Это обстоятельство, несомненно, в значительной степени способствовало тому, что Людвиг Варынский окончательно вышел из кружка поляков и решил ехать в Россию для вступления в «Народную Волю».

В точности не помню, был ли он еще в Женеве, когда товарищи его поляки пригласили меня с Жоржем к себе для обсуждения, как я уже упоминал, вопроса об отношении их к «Народной Воле». Кажется, что и он был, а также Дикштейн, Пекарский и Длусский (Мендельсон и Мария Яблоновская были в Познани для участия в предвыборной агитации, где их вскоре арестовали). Я совсем забыл, чего собственно хотелось полякам и что они предлагали, но помню, что Жорж заодно со мною высказывался в выгодном для «Народной Воли» направлении, и, после непродолжительной беседы, под его руководством, было написано поляками дружественное обращение к «Народной Воле» с вы-

¹⁾ Известный немецкий анархист, бывший раньше видным социал-демократом.

ражением ей всякого рода добрых пожеланий и каких-то предложений. Обращение это, кажется, в печатном виде я переслал тогда же тебе; ты сообщил, что [народовольцы] собираются им ответить, но, к крайнему нашему огорчению, такого ответа [они] почему-то не собрались прислать.

Здоровое и дружелюбное к «Народной Воле» отношение Жоржа на этом совещании с поляками отчасти убедило меня, что он мало-по-малу втянется в народовольческое направление и будет, по мере сил, содействовать его успеху. После этого свидания с поляками я, помню, был Жоржем очень доволен.

VI

Пробыв недели две—три в Москве, ты сообщил, что едешь в Питер для переговоров с тамошними народниками-чернопередельцами. О московских передельцах ты в письмах отзывался очень неодобрительно. Помню, что ты изображал их крайне миролюбивыми, недейтельными, прикрывающимися лишь кличками «народников», «передельцев», чтобы увильнуть от деятельности, сопряженной с риском. Такая характеристика московских народников очень совпадала с тем впечатлением, какое и мы, будучи за границей, вывели о них из личных сношений с некоторыми московскими народниками и по письмам и слухам о них. Диаметрально противоположное впечатление произвели на тебя, судя по письмам, питерские народники: их ты очень расхваливал, находил их очень энергичными, деятельными, толково и умело занимавшимися пропагандой среди рабочих, изданием газеты «Зерно» для последних и пр. Тем желательнее, поэтому, было тебе, чтобы они присоединились к «Народной Воле», от которой, не покидая своей излюбленной деятельности среди рабочих, они могли, как тебе казалось, получить всевозможного рода поддержку и, таким образом, достигнуть значительно более существенных результатов, чем продолжая действовать особняком, вне связи с более или менее сильной организацией.

Вскоре по приезде в Питер ты сообщил, что послал мне с оказией много интересных документов и большое по-

дробное письмо. «Оказией» этой был Страсбургский юноша ¹⁾, с которым мы за год перед тем познакомились по такому же поводу: с ним питерские народники прислали нам деньги на возвращение в Россию. Ты писал, что юноша этот не приедет в Женеву, а сообщит мне по почте, куда я должен приехать для свидания с ним и личного получения от него всего привезенного им от тебя. Известие это меня очень обрадовало, так как со времени твоего приезда в Россию я еще не получил от тебя ни одного обстоятельного письма. А по той конспиративности, с которой ты обставлял получение мною твоих посланий с этой okazji, я должен был заключить, что в них заключается нечто особенное, в противном случае, юноша мог бы по приезде в Германию переслать мне все привезенное им по почте, а не вызывать меня на личное с ним свидание.

С большим нетерпением стал я ожидать письма от этого юноши. Вскоре он, действительно, сообщил мне, что приехал в Страсбург, но не может теперь ехать в Женеву, а готов встретиться со мною в Базеле, и что если я согласен, то чтобы уведомил его телеграммой о дне моего выезда. Жорж, Мишка и Иван Николаевич Присецкий, бывшие в это время еще в Женеве, так же как и Марфуша с Анкой, узнав от меня об этой okazji, тоже предполагали, что ты прислал с нею нечто особенное, очень интересное и важное. Помню, что все они, а также «рыженькая Вера», кажется, и Дикштейн с Людвигом Варынским собрались провожать меня. Все строили предположения о том, что именно ты посылаешь с этой okazji; все просили [меня] не засиживаться долго в пути, а Жорж настаивал, чтобы, возвращаясь, я завернул к ним в Кларан, куда он на второй день после моего отъезда должен был вернуться. «Рыженькая Вера», в свою очередь, просила меня, на обратном пути побывать в Берне, куда и она уезжала на второй день; Павел также желал, как я узнал впоследствии из его письма, чтобы я завернул к нему в Цюрих. Словом, меня или, вернее, то, что я с собою должен был привезти из Базеля, все нарахват хотели поскорее увидеть.

¹⁾ «Страсбургским юношей» мы прозвали А. Тилло, специализировавшегося в естественных науках, по окончании петербургского университета, в Страсбурге.

На вокзал собрались проводить меня все близкие, и я в самом лучшем настроении сел в поезд. Не говоря уже о заманчивой, неизвестной твоей посылке, мне приятна была и предстоявшая поездка, сопряженная со свиданиями по пути с близкими и знакомыми лицами.

Выехал я из Женевы с последним вечерним поездом на Берн, откуда, переночевав у Александра Хотинского ¹⁾, должен был на рассвете отправиться в Базель. Провожавшие меня (в Женеве) обещали немедленно телеграфировать Александру, чтобы он меня встретил на вокзале. Но каково же было мое удивление, когда, приехав в полночь в Берн, я не нашел его на вокзале и должен был отправиться ночевать в гостиницу. На рассвете, до отхода поезда, я поспешил на квартиру к Александру узнать причину его отсутствия. Оказалось, что он телеграммы не получил, и что, следовательно, провожавшие меня забыли ее выслать, о чем он и я, конечно, сильно пожалели, так как мне не удалось провести с ним ночь в беседах, как мы оба любили. Уговорившись теперь с ним, что он приедет вечером того же дня на вокзал, я утром отправился в Базель, куда и прибыл в полдень и, как было условлено, нашел на вокзале ожидавшего меня Страсбургского юношу. В ближайшем ресторане, куда мы зашли с ним пообедать, он вручил мне не особенно больших размеров пакет, 25 рублей, несколько карточек осужденных социалистов, 2 экземпляра «Народной Воли» и, кажется, еще какие-то подпольные издания. Я с нетерпением набросился на пакет, но он, к великому моему удивлению, не оправдал моих ожиданий: в нем не оказалось ничего необыкновенного, и я недоумевал, почему понадобилось тебе обставить получение его такой сложной процедурой?!

Наскоро пообедав и пробежав мельком твое письмо, мы с юношей отправились отыскивать квартиру «маленького Ефрона» ²⁾, адрес которого я имел. По дороге к нему я расспрашивал о тебе, о знакомых и, вообще, о том, что он знает

¹⁾ Бывший член общества «Земля и Воля», а также «Черного Передела», о котором сообщу подробно в следующем отрывке из «Карийских тетрадей».

²⁾ Так прозвали мы, впоследствии довольно известного в Париже, д-ра Ефрона; он умер в Петрограде в 1920 г.

о революционной деятельности в России. Он, видимо, охотно рассказывал, что знал; но, к сожалению, сам-то он стоял вдали от движения и имел лишь незначительные личные сношения с немногими, да и то только с народниками, что он чистосердечно и признал. Таким образом, и устных сообщений, которых ты не мог бы передать письменно, чем еще можно было бы объяснить необходимость личного свидания с юношей, я также не получил никаких и все более терялся в догадках насчет смысла этой большой конспирации для получения твоей [неважной] посылки. Сам юноша произвел на меня еще более благоприятное впечатление, чем какое я вынес после первого знакомства с ним. Хотя он и мало был посвящен в дела, но, повидимому, искренно сочувствовал движению и готов был даже с риском кое-что делать по возвращении в Россию [весной 1882 г.].

Ефрона мы застали дома; посидели у него в ожидании отхода поезда и, побеседовав еще о России и знакомых, отправились на вокзал, так как я вечером хотел быть обратно в Берне. Условившись с юношей насчет переписки с ним и поговорив с Ефроном относительно устройства контрабандной переправы через швейцарскую границу нелегальных изданий, я вернулся в Берн, где Александр уже ждал меня. Далеко за полночь проболтали мы с ним о всякой всячине, читали привезенные мною издания и выдержки из твоих писем.

Возвращаясь из Берна в Женеву, я завернул к Жоржу в Кларан. Он также был очень разочарован привезенными мною из Базеля материалами, не оправдавшими наших ожиданий чего-то особенного. Не помню наверное, но, кажется, в присланных тобою номерах «Народной Воли» была громовая статья против «русского гостя» на Хурском интернациональном социалистическом конгрессе, т.-е. против Павла. Статья эта страшно огорчила и обидела всех, так как была явно несправедлива по отношению к Павлу, — ниже я подробнее расскажу как об этом конгрессе, так и о роли на нем Павла. В письме ты всячески старался смягчить неприятное впечатление, которое, как ты верно предвидел, должна была произвести статья о Павле. Но, несмотря на все твои

старания, тяжелое впечатление не могло быть ничем сглажено ¹⁾).

Пробыв трое или четверо суток в раз'ездах, я вернулся в Женеву, где Мишка и Марффуша ожидали меня с нетерпением и были привезенным мною так же разочарованы, как и другие. А я, хотя и не получил того, о чем мечтал или вернее неопределенно предвкушал, все же, в конце концов, был доволен этой поездкой, внесшей после долгого пребывания на одном месте некоторое разнообразие и оживление в мою жизнь. Если я не привез ничего особенного, таинственного, то все же кое-что узнал, увидел, за короткое время побывал в разных городах. Настроение мое в таких случаях всегда бывало приподнятым, приятно возбужденным, и в душе я очень тебя благодарил за предоставленный мне случай проехаться. Впоследствии объяснилось, что, вручая свое письмо ко мне юноше и уговариваясь с ним, чтобы он лично передал мне посылку, ты, действительно, имел в виду передать мне на хранение в «архив» важные документы [сообщения Клеточникова, письма Нечаева], но в день от'езда юноши, почему-то, не удалось это сделать.

¹⁾ См. об этом ниже — письма: мое к Стефановичу и П. Б. Аксельрода ко мне.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	Стр. 3
-----------------------	--------

СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

1. Г. В. Плеханов. Материалистическое понимание истории. Лекции, посмертная рукопись, с предисловием Р. М. Плехановой	5
2. Л. Г. Дейч. Полувековые годовщины	53
3. Р. М. Плеханова. Периферийный кружок «Земли и Воли»	81
4. Л. Г. Дейч. Из Кариийских тетрадей	117

ПИСЬМА

5. Л. Г. Дейч — Я. В. Стефановичу	146
6. П. Б. Аксельрод — Л. Г. Дейчу	148
7. Я. В. Стефанович — Л. Г. Дейчу	152
8. Л. Г. Дейч — И. Н. Присецкому	220
9. В. К. Дебогорий-Мокриевич — В. И. Засулич	226
10. Н. Чайковский — В. И. Засулич	237
11. В. И. Засулич — Л. Г. Дейчу	240
12. П. Б. Аксельрод — Л. Г. Дейчу	268
13. Х. Г. Раковский — В. И. Засулич	274
14. В. И. Засулич — Г. В. Плеханову	277
15. В. И. Ленин и Г. В. Плеханов. — Переписка	311

РАЗНОЕ

16. Ф. Энгельс. О военной мощи царской России	350
17. Ф. Гинзбург. Русская библиотека Маркса и Энгельса	357
18. Ф. Гинзбург. — Маркс о Ткачеве	387
19. Дз. — Наследие отцов	395
20. Г. В. Плеханов. — Русская учащаяся молодежь	407
21. Письмо в редакцию. (Плеханов в Горном институте)	408
22. Алфавитный указатель собственных имен	411

ПОРТРЕТЫ.

1. Р. М. Боград-Плеханова в юности.
2. Г. В. Плеханов в 90-х годах.
3. Н. Г. Чернышевский в 80-х годах.
4. И. П. Мышкин в 70-х годах.

